

A large brown bear is the central focus, roaring with its mouth wide open, showing sharp teeth and a pink tongue. The bear's fur is thick and brown, with some lighter patches on its chest. It is standing in a dense forest of tall, thin trees with green foliage. The lighting is dramatic, with a strong light source from the left, creating a bright glow on the bear's face and the surrounding trees, while the rest of the forest is in deep shadow.

Дмитрий Шелег

Кинороман

Первые и Вторые

Первый сезон. Медведь

Библиотека классической и современной прозы

Дмитрий Шелег

**Первые и Вторые.
Первый сезон. Медведь**

«Продюсерский центр ротации и продвижения»

2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)64-44

Шелег Д. В.

Первые и Вторые. Первый сезон. Медведь / Д. В. Шелег —
«Продюсерский центр ротации и продвижения»,
2023 — (Библиотека классической и современной прозы)

ISBN 978-5-907694-02-6

Московский повеса Тихомир приезжает в российскую глубинку, где влюбляется в очаровательную, но странную девушку Забаву, которая рождает от него сына. Позже оказывается, что Забава и ее сын являются потомками «Первых» людей на Земле, смыслом жизни которых является обретение высших знаний. За «Первыми» испокон веков ведут охоту потомки «Вторых» людей на Земле, желающие уничтожить «Первых», чтобы обрести мировое господство. Одновременно «Вторые» разыскивают древнюю реликвию «Первых», способную дать им доступ к высшим знаниям. Не зная об этом, Тихомир сталкивается с реальной угрозой, и не только для себя, но и для своего сына. Гонка и лишения, страх и радость, интриги и добродушие, убийства и спасения, загадки и ответы, а также внезапно нахлынувшие чувства к простой русской женщине – все это меняет мировоззрение Тихомира. А открытие основ исходного русского языка, восприятие исконной русской духовности и культуры приводит его к осознанию своего предназначения.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)64-44

ISBN 978-5-907694-02-6

© Шелег Д. В., 2023
© Продюсерский центр ротации и
продвижения, 2023

Содержание

От автора	8
1 серия	13
Эпизод 1	13
Эпизод 2	17
2 серия	20
Эпизод 1	20
Эпизод 2	23
Эпизод 3	24
Эпизод 4	25
3 серия	26
Усадьба	26
4 серия	35
Эпизод 1	35
Эпизод 2	39
Эпизод 3	42
5 серия	44
Эпизод 1	44
Эпизод 2	49
6 серия	55
Эпизод 1	55
Эпизод 2	58
7 серия	60
Эпизод 1	60
Эпизод 2	66
8 серия	68
Эпизод 1	68
Эпизод 2	73
9 серия	75
Эпизод 1	75
Эпизод 2	81
10 серия	83
Эпизод 1	83
Эпизод 2	85
Эпизод 3	86
Эпизод 4	89
11 серия	90
Эпизод 1	90
Эпизод 2	94
Эпизод 3	96
12 серия	102
Эпизод 1	102
Эпизод 2	104
Эпизод 3	106
13 серия	108
Эпизод 1	108
Эпизод 2	109

14 серия	114
Эпизод 1	114
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Дмитрий Шелег
Первые и Вторые. Первый
сезон. Медведь. Кинороман

Библиотека классической и современной прозы

© Дмитрий Шелег, 2023

© Общенациональная ассоциация молодых музыкантов, поэтов и прозаиков, 2023

От автора

Этот киноман посвящается Михаилу Николаевичу Задорнову – известному сатирику, который пробудил наше подсознание своими концертами о нестандартности и непохожести русских на жителей Запада своим менталитетом, восстанавливая память о наших предках. Вечная память славному сыну Отечества!

Особая благодарность легендарному Виталию Влади – мировичу Сундакову – эксперту колыбельных цивилизаций, путешественнику, исследователю, основателю Русской Школы Русского языка, уроки которого легли в основу этого киномана.

Киноман не претендует на достоверность, его герои и истории являются вымышленными. Киноман призван пробудить интерес читателя к русскому языку, отличному от других языков, способному дать развитие образному мышлению человека. Существует ряд исследований, которые выявляют прямую зависимость менталитета человека от его связи с языком и национальной культурой. Однако мир не стоит на месте, и в результате глобализации все больше трансформируется русский язык, превращаясь в язык для передачи информации, а с ним меняется и менталитет русского человека.

В первом сезоне киномана «Медведь» охватывается небольшой период жизни главных героев в Центральной части Российской империи. Действия происходят во второй половине XIX века, что связано с проживанием в то время людей, которые еще владели мудростью исходного русского языка и могли научить своих современников. Первый сезон позволит донести до читателя саму идею.

Действия следующих сезонов киномана будут перенесены в другие регионы Российской империи и другие страны, в которые расселялись наши предки, распространяя за собой русский язык. Язык, который в своей основе несет не только образное мышление, но и духовность...

«Духовность – внутреннее состояние человека, степень преобладания духовных ценностей, потребностей и действий над интересами и поступками плотскими, материальными, личностными...»

Духовность – старшая сестра нравственности, человеколюбия, патриотизма.

Духовность – основа правильного развития и сохранения цивилизации.

Бездуховный прогресс ведет к гибели человечества.

Бездуховный человек уничтожает землю, на которой живет.

Если люди материальному не будут предпочитать духовное – человечество погибнет...»

Анатолий Лень

Подсказки для читателя:

Почему киноман?

Совмещение литературного текста с визуальностью кинематографа позволит вам более ярко воспринимать материал.

Вы сами себе можете быть и кинорежиссером, и художником-постановщиком, и кинооператором, рисуя в голове образы героев, окружающие их интерьеры и экстерьеры, их костюмы и сопутствующий реквизит...

Представляйте себе визуально каждую сцену (***) каждого эпизода.

Ведь вы не только читаете по-русски, но и думаете по-русски, а значит, имеете образное мышление от самого рождения!

Читайте книгу так же, как смотрите киносериал: каждый вечер по серии – с понедельника по пятницу – семь недель подряд.

Для сохранения интриги в описании истории использован киношный прием «флешбэк», и вам легко будет запутаться в хронологии. Ретроспективу можно отследить по монтажному листу (содержанию), в котором указаны время действия и место.

Кроме этого, прочитывая эпизоды, посвященные Буквице, поглядывайте на саму матрицу Буквицы, размещенную на форзацах книги.

Желаю приятного чтения!

Монтажный лист

1 серия				
Эпизод 1	Второй	13 августа 1840 года	Анакопия	11
Эпизод 2	Миссия	30 декабря 1841 года	Лондон	17
2 серия				
Эпизод 1	Монахиня	8 марта 1861 года	Москва	21
Эпизод 2	Тихомир	20 июня 1861 года	Москва	25
Эпизод 3	Урядник	21 июня 1861 года	Москва — Воронеж	27
Эпизод 4	Должок	20 мая 1861 года	Воронеж	29
3 серия				
	Усадьба	22 июня 1861 года	Костянки	31
4 серия				
Эпизод 1	Ас-салям алейкум	17 апреля 1841 года	Анакопия	44
Эпизод 2	Прогулка	22 июня 1861 года	Костянки	49
Эпизод 3	Ин ша Аллах	8 октября 1843 год	Туркменистан	53
5 серия				
Эпизод 1	Накануне	23 июня 1861 года	Костянки	56
Эпизод 2	Послание	13 ноября 1843 года	Ростов-на-Дону	63
6 серия				
Эпизод 1	Забава	23 июня 1861 года	Костянки	72
Эпизод 2	Сколько пожелает	5 декабря 1843 года	Лондон	77
7 серия				
Эпизод 1	Купала	23–24 июня 1861 года	Костянки	79
Эпизод 2	Гроза	23–24 июня 1861 года	Костянки	88
8 серия				
Эпизод 1	Без прощания	24 июня 1861 года	Костянки	90
Эпизод 2	Телеграмма	1–2 апреля 1862 года	Москва	97
9 серия				
Эпизод 1	Первый	30–31 марта 1862 года	Костянки	100
Эпизод 2	Расправа	30–31 марта 1862 года	Костянки	108
10 серия				
Эпизод 1	Новости	31 марта 1862 года	Костянки	110
Эпизод 2	Пепелище	2 апреля 1862 года	Костянки	113
Эпизод 3	Тайна	3 апреля 1862 года	Костянки	115
Эпизод 4	Тимоха	29 марта 1862 года	Костянки	119
11 серия				
Эпизод 1	Библия	4 апреля 1862 года	Москва	120
Эпизод 2	Дело не сделано	5 апреля 1862 года	Москва	125
Эпизод 3	«Хранитель»	5 апреля 1862 года	Москва	128
12 серия				
Эпизод 1	Память предков	5–6 апреля 1862 года	Москва	137
Эпизод 2	Хитровка	6 апреля 1862 года	Москва	140
Эпизод 3	Долой царизм!	6 апреля 1862 года	Москва	143

13 серия

Эпизод 1	Селянка	6 апреля 1862 года	Москва — Санкт-Петербург	146
Эпизод 2	Выбор Марфы	6 апреля — 21 мая 1862 года	Никольское	148

14 серия

Эпизод 1	Фельдшер	21–22 мая 1862 года	Тверь	155
Эпизод 2	Отец	1–3 мая 1862 года	между Тулой и Москвой	163
Эпизод 3	Вуаль	21 мая 1862 года	Тверь	169

15 серия

Эпизод 1	Дорога	23 мая 1862 года	Тверь — Торжок	174
Эпизод 2	Русская душа	24 мая 1862 года	в окрестностях Торжка	177
Эпизод 3	CHEZ CHERIE	25 мая 1862 года	Вышний Волочек	183

16 серия

Эпизод 1	1234	26 мая 1862 года	Вышний Волочек	191
Эпизод 2	Ходули	26 мая 1862 года	Вышний Волочек	198
Эпизод 3	Бологое	26 мая 1862 года	Бологое	202

17 серия

Эпизод 1	Пленники	26 мая 1862 года	Бологое	205
Эпизод 2	След	27 мая 1862 года	Москва	209
Эпизод 3	Малёк	26–28 мая 1862 года	Валдай	211

18 серия

Эпизод 1	Болото	28 мая 1862 года	Валдай	222
Эпизод 2	Сюкирэн	28–29 мая 1862 года	Валдай	228

19 серия

Эпизод 1	Старообрядцы	29 мая 1862 года	Валдай	231
Эпизод 2	Золотник	30 мая 1862 года	Валдай	244

20 серия

Эпизод 1	Никон	30 мая 1862 года	Валдай	248
Эпизод 2	Христофор	31 мая 1862 года	Валдай	257

21 серия

Эпизод 1	Кириллица	31 мая 1862 года	Валдай	260
Эпизод 2	Души человеческие	31 мая — 1 июня 1862 года	Валдай	266

22 серия

Эпизод 1	Ветка	1 июня 1862 года	Валдай	273
Эпизод 2	Хаврона	1 июня 1862 года	Валдай	274
Эпизод 3	Траян	1 июня 1862 года	Валдай	276
Эпизод 4	Прощай, скит	1 июня 1862 года	Валдай	279

23 серия

Эпизод 1	Валдайские колокольчики	1 июня 1862 года	Валдай	282
Эпизод 2	Старец	2 июня 1862 года	Валдай	285
Эпизод 3	Миф	3 июня 1862 года	Валдай	289

24 серия

Эпизод 1	Правда	3 июня 1862 года	Валдай	299
Эпизод 2	Буквица от А до Л	4 июня 1862 года	Валдай	302

25 серия

Эпизод 1	Петр	4 июня 1862 года	Валдай	315
Эпизод 2	Буквица от М до У	5 июня 1862 года	Валдай	326

26 серия

Эпизод 1	Русь	5 июня 1862 года	Валдай	335
Эпизод 2	Буквица от Ф до Ѧ	6 июня 1862 года	Валдай	344

27 серия

Эпизод 1	Народ	6 июня 1862 года	Валдай	363
Эпизод 2	Язычники	6 июня 1862 года	Валдай	367

28 серия

Медведь	7 июня 1862 года	Валдай	370
---------	------------------	--------	-----

29 серия

Эпизод 1	Қамыш	8 июня 1862 года	Валдай	392
Эпизод 2	Волосы	8 июня 1862 года	Валдай	397

30 серия

Эпизод 1	Берега	8 июня 1862 года	Валдай	415
Эпизод 2	Николай	8 июня 1862 года	Валдай	431
Эпизод 3	Қалендарь	8 июня 1862 года	Валдай	435

31 серия

Эпизод 1	Восемь	8 июня 1862 года	Валдай	442
Эпизод 2	Луна	8 июня 1862 года	Валдай	446
Эпизод 3	Поединщики	8 июня 1862 года	Валдай	456

32 серия

Эпизод 1	Агнец на закланье	8 июня 1862 года	Валдай	459
Эпизод 2	Золото	9 июня 1862 года	Валдай	461
Эпизод 3	Хранитель	9 июня 1862 года	Валдай	470

33 серия

Господин Великий Новгород	10 июня 1862 года	в Новгород	478
---------------------------	-------------------	------------	-----

34 серия

Эпизод 1	Боги	10 июня 1862 года	Новгород	504
Эпизод 2	Дома	11 июня 1862 года	Москва	516

35 серия

Эпизод 1	Родина и дым Отечества	12 июня 1862 года	Москва	520
Эпизод 2	Последний патрон	12 июня 1862 года	Москва	531
Эпизод 3	Второй	30 декабря 1862 года	Лондон	543

1 серия

Эпизод 1

Второй

13 августа 1840 года, Анакопия

– Эй!!!

Резкий крик эхом отразился от абхазских гор.

Тихомир обернулся в седле и увидел гусарскую пику, плашмя летящую прямо на него из рук товарища.

Пот, застилающий ему глаза, мешал, но он привычно перехватил летящее древко и тут же выставил его острием навстречу мчавшемуся на него всаднику:

– Спаси, Боженька, люди Твоя...

Хрясь... пика глубоко вошла в тело всадника и с треском лопнула.

– ...И благослови достояние Твое, победы на сопротивных даруя...

* * *

Черные глаза Отто фон Брандта удивленно расширились, когда четырехгранная сталь наконечника вошла в его грудь на полном скаку. Он тяжело упал с крупного породистого скакуна на землю и захрипел. Правая рука в тонкой черной кожаной перчатке откинулась в сторону, но не выпустила серебряную рукоять старинной сабли. Крупный плевок крови вырвался из горла. Его остекленевший взгляд был устремлен к Полярной звезде, мерцающей в иссиня-черном предрассветном небе.

* * *

Вокруг в схватке рубились всадники.

В лунном свете едва можно было различить гусарские кивера и горские папахи, но звон скрещиваемых сабель и шашек разносился далеко в горах.

В пылу битвы горцы брали множеством, прижимая гусарский разъезд к скале.

Вдруг послышалось громкое дружное гиканье, и в ущелье галопом ворвалась кавалькада казачьей полусотни с шашками наголо.

Увидев превосходящие силы, горцы начали отступать.

* * *

Чубастый казак в лихо заломленной папахе, проскакав рядом с Тихомиром и одобрительно кивнув ему на распростертое пронизанное пикой тело, громко скомандовал:

– Гуртом!!! Пли!!!

Тихомир посмотрел на погоны казака: на них, через синий просвет, серебром блеснули две пятиконечные звездочки на серебристом поле:

– Хорунжий.

Казак, выстроившись в ряд, дал ружейный залп вдогонку горцам.

* * *

Кони, как подкошенные, на полном скаку падали на передние ноги, заваливались набок, вставали на дыбы, сбрасывая и придавливая собой всадников, некоторые поднимались и тянули за собой в стремях уже мертвых людей, давя копытами еще живых...

* * *

Тихомир крикнул товарищу:

– Давай, Андрей, понеслись «Гуси-лебеди»! Ура-а-а!

И они плечом к плечу поскакали в погоню, высоко перепрыгивая через образовавшееся месиво плоти и крови.

* * *

Один из горцев, перевернувшись в седле, навскидку выстрелил.

* * *

Тихомир инстинктивно пригнулся к холке коня и не сразу увидел, как упал Андрей. Когда увидел – развернулся, спрыгнул с коня и, тяжело дыша, подбежал к товарищу, лежащему навзничь. Перевернув его, Тихомир увидел, как кровь из раны на шее толчками бьет на гусарский доломан. Слезы навернулись на глаза Тихомира и потекли ручьем, оставляя светлые бороздки.

Тихомир смахнул их, смешивая с кровавой грязью, и взвыл, проклиная войну:

– Андрей, держись! И зачем только России этот Кавказ, тут только одни скалы!!! Будьте прокляты, англосаксы!!!

Эхо вторило ему...

Андрей, слабо улыбаясь, ответил:

– Здесь Первые...

И через вдох, из последних сил добавил:

– Если выживу, то назову сына твоим именем.

* * *

Начинало восходить червленое солнце.

* * *

Из развалин старой крепости на вершине горы двое абхазских мальчишек наблюдали за бойней. Когда гусары и казаки погнали остатки горцев вниз, к подножью, и все затихло, они ловко начали спускаться в ущелье. В тишине не было слышно легких шагов их ног, одетых в мягкие чуваки из козлиной кожи, только две длинные тени скользили по склону горы.

* * *

Осторожно спустившись в ущелье, они прислушались.

Тишина...

Кругом были окровавленные мертвые тела. Мальчишки в испуге остановились.

Один из них, который, видно, посмелее, сказал другому:

– Теймураз, пошли.

Теймураз боялся, но ему не хотелось выглядеть трусом, да и азарт взял свое.

Мальчишки с опаской шли мимо трупов, пока не увидели лежащее с обломком пики в груди окровавленное тело. Облаченное с ног до головы в черную кожаную одежду, да еще и с раскинутым черным плащом, оно казалось большим черным кругом, только белый нашийный платок выделялся ярким пятном.

Тот, который посмелее, – Джамал – прошептал:

– Такую одежду не носят ни русские, ни иноземцы, которые частые гости в ауле.

Теймураз не слушал друга. Он стоял как окаменевший и во все свои голубые глаза смотрел на красивую саблю с запекшейся на клинке кровью в руке черного воина.

Тут стали слышны улюлюканья возвращавшихся всадников.

Джамал в испуге прошептал:

– Побежали.

Теймураз опустился на колени и попытался разжать мертвецкую хватку, чтобы забрать себе саблю – не удалось:

– Джамал, помоги.

Джамал бросился вырывать саблю, но железные пальцы было не разжать.

Джамал достал из-за пояса кинжал, протянул его Теймуразу и кивком головы указал на саблю:

– Руби.

Теймураз опешил:

– Как?

– Руку! – прокричал Джамал.

Подняв кинжал, Теймураз примерился, закрыл глаза и рубанул. Еще теплая кровь брызнула на его лицо – он упал на спину. Утерев лицо, он увидел, что только надрубил руку.

Топот копыт слышался уже совсем близко.

Джамал перехватил у Теймураза кинжал и рубанул... раз... два...

Схватив обрубок, мальчишки пулей устремились вверх на скалу.

* * *

Следом за ними в ущелье вернулись казаки.

Хорунжий скомандовал полусотне разделиться.

Десятку – сопровождать раненных гусар в лагерь:

– Слава Богу! Все пока живые!

Двум десяткам – скакать в аул:

– Пушай сами своих хоронят! Невесть кто из них христианин, а кто басурманин. Нарушать обычаи – грех.

Остальным – оставаться на месте.

Казаки начали укладывать тела убитых горцев в ряд и собирать их оружие.

Слышались рассуждения:

– Шашки-то да кинжалы хорошие, а вот ружьишки-то старенькие – кремневые.

Один из них крикнул:

– Ваше благородие, господин хорунжий, гляньте-ка...

Хорунжий чинно подскакал, неторопливо спешился и, увидев труп с обрубком руки, перекрестился:

– Храни Боже! Кто ж его так-то?.. Уж давно головы друг другу не рубали, а тут такое... Ну-ка, братцы, давай-ка туточки порыскайте...

* * *

Казаки пешим ходом рассеялись по скалам.

* * *

Джамал и Теймураз схоронились в развалинах крепости. Сабля была тяжелая, гарда причудливой формы, а на серебряной рукояти были видны какие-то странные узоры.

Увлеченные мальчишки оцепенели от страха, когда услышали голоса казаков, которые остановились через полуразрушенную стену от них.

Один из казаков сказал:

– Смотри, Микола, тут на стене кресты высечены... и рыбы. Может, храм был в этой стороне?

Казаки, как по команде, перекрестились.

В этот момент мальчишки сорвались с места и побежали вглубь крепости. Им не мешала полная темнота – они знали здесь все ходы с закрытыми глазами.

Услышав шум, казаки пустились было вдогонку, но, поняв, что в темноте ничего не сделают, пальнули по разу вслед беглецам, да и вернулись в ущелье докладывать хорунжему.

* * *

– Да, древний храм христианский, только кресты не православные, – сказал хорунжий, проводя рукой по знакам на стене.

* * *

Шел 1840 год. Долгая война была не только в абхазской Ана-копии, но и по всему Кавказу.

Эпизод 2

Миссия

30 декабря 1841 года, Лондон

Днем накануне 1841 Нового года по улицам Лондона шел обычный мужчина. Только высокий рост и крепкое телосложение, угадываемое под толстым черным плащом до пят, выделяли его среди общей массы уличной толпы.

Мужчина не спешил, останавливался, размеренно приподнимая широкие полы черной шляпы, разглядывал празднично разукрашенные дома города. На Трафальгарской площади долго наблюдал, как по указу королевы впервые в истории страны устанавливается новогодняя елка. Побеседовал с уличными продавцами поздравительных открыток.

Потолкался на ярмарке у Старой ратуши Челси и тут же на улице поиграл с детворой в смешную игру «футбол» – попинал ногой мяч, свернутый из тряпок.

Со стороны можно было подумать, что мужчина просто «убивает время», но на самом деле тот очень внимательно следил за всем окружающим.

Уже ближе к вечеру, убедившись, что за ним нет «хвоста», мужчина ускорил шаг по набережной Темзы и оказался в Лондонском Сити.

У четырехэтажного здания с готическими шпилями, над фасадом которого развевался флаг с красным крестом на белом фоне, мужчина остановился и стал ждать, рассматривая лепной герб над входом. Герб состоял из увенчанного рыцарским шлемом щита с крестом, щитодержателей в виде драконов с каждой стороны и девиза «Domine dirige nos» под щитом.

* * *

Дверь бесшумно приоткрылась, приглашая его войти.

Мужчину встречали двое.

Он тихо сказал:

– Я – Гор.

Один – лысый здоровяк, полностью заслонивший собой широкий дверной проем, – чуть посторонился, пропуская гостя.

Гор, проходя мимо, плечом легко отодвинул со своего пути амбала и остановился перед вторым – сухоньким старичком, который внимательно осмотрел его и кивнул здоровяку.

Тот протянул в сторону Гора ручищу и пробасил:

– Оружие... В Милдхолл с оружием нельзя.

Гор остался неподвижен.

– Пропустите его, – раздался негромкий, но четкий голос из глубины холла. – Следуй за мной...

* * *

Гор пошел за голосом по длинным темным коридорам и оказался в полумраке библиотеки со множеством книг.

– Садись в кресло, – произнес тихий голос.

Гор уселся в старинное протертое кожаное кресло «Честерфилд». Со стоящего рядом стола его лицо освещала странная стеклянная колба с неизвестным источником света и тепла.

Голос из темноты рассмеялся:

– Это электрическая лампа. Думаю, что лет через двадцать такие лампы начнут появляться в Европе и Америке. Но там, куда ты отправишься, они появятся намного позже.

Гор внимательно слушал голос:

– Мы выбрали тебя, потому что ты знаком с русским языком. Мы морем переправим тебя османам, а оттуда на Кавказ, который уже почти русский. Больше года назад туда отправился наш лучший, но он пропал.

Голос через паузу, как бы для самого себя, сказал:

– В России все, вся и всегда куда-то пропадает.

Затем продолжил:

– Иди по его следу. Очень важно, чтобы ты нашел их. Поиск не будет быстрым, но ты знаешь, что делать.

Гор поклонился:

– Да, Магистр.

Он, бывалый воин, чувствовал себя в такой обстановке как только что вылупившийся птенец перед пастью хищника.

* * *

Магистр подошел к одному из книжных шкафов, нажал пружину секретного замка, шкаф плавно выдвинулся и сместился в сторону.

Отодвигая парчовую шторку, Магистр сказал, стоя вполоборота:

– То, что ты сейчас увидишь, видели только избранные. Многие поколения собирали и хранили это сокровище, важнее которого ничего нет. Я показываю тебе его, чтобы ты понял всю важность своей миссии.

Глазам Гора открылась застекленная ниша, в которой находилось шесть подобных друг другу невысоких округлых предметов, один другого меньше.

Каждый предмет окружало какое-то неземное свечение. Ореол самого большого был фиолетовым, того, который был меньше большего, – синим, и дальше друг за дружкой – голубым, зеленым, желтым, оранжевым. При этом, чем меньше был предмет, тем больше и ярче был ореол.

Гор разглядел на предметах изображения каких-то ликов.

«Это – Боги! Чьи они?» – пронеслось у него в голове.

Магистр щелкнул секретным замком, приоткрыл стекло и осторожно достал самый большой предмет. Он аккуратно прокрутил его в противоположные от центра стороны, и предмет разделился на нижнюю и верхнюю части:

– Подержи.

Гор с волнением принял предметы, которые в его крупных руках казались детскими игрушками. Они были легкими – деревянными.

Магистр достал следующий по размеру предмет:

– Теперь смотри.

Он вставил второй предмет в первый без малейшего зазора, и они стали как одно целое:

– Формы рассчитаны по принципу «золотого сечения».

Когда Магистр плотно закрыл верхнюю часть, свечение заметно усилилось и обрело фиолетово-голубой цвет. Цвета переливались, заменяя и дополняя друг друга, казалось, что на происходящее можно смотреть вечно.

Гор вернулся к реальности только тогда, когда Магистр вернул предметы на их места и закрыл потайную нишу.

– Русские называют их «матрешкой». Нам не хватает только самой маленькой – седьмой и неделимой. Она – самая важная. Когда ты найдешь ее, то распознаешь по красному свечению. Теперь слушай, запоминай и отвечай мне только на русском языке...

* * *

Когда Гор ушел, тяжелая парчовая портьера в углу библиотеки аккуратно отодвинулась.

– Как он тебе? – спросил Магистр.

– Он хорошо подготовлен, но... – начал отвечать голос.

– ...Но еще молод и горяч, – продолжил за него Магистр.

Из-за портьеры вышел полноватый мужчина средних лет.

Магистр сказал:

– Поэтому я поручаю тебе присматривать за ним. Миссия у вас одна!

Мужчина поклонился, пригладил усы и произнес на русском:

– Господи, направляй нас.

2 серия

Эпизод 1

Монахиня 8 марта *8 марта 1861 года, Москва*

Весну 1861 года можно было назвать если не холодной, то прохладной, что совсем не мешало молодой женщине в одиночку купаться в вечерней реке.

* * *

За девушкой из-за прибрежных зарослей наблюдало шесть человек. Это были мужики разного возраста, заросшие, грязные и оборванные. Они похотливо смотрели, как девушка выходит из воды, как наклоняется, перехватив длинную, до поясницы, копну черных густых волос, чтобы отжать их, как выпрямляется ее гибкий стройный стан, как едва колыхнется высокая полная грудь...

Один из наблюдавших, в картузе с лопнувшим козырьком, кивнул:

– Беззуб.

* * *

Самый молодой из мужиков вразвалочку, криво улыбаясь, направился к девушке и шепелявил беззубым ртом:

– Ну, што, невешта! Дошдалась шенишков?

За ним из укрития вышли остальные и начали обступать девушку с двух сторон.

* * *

Девушка, казалось, не обращая никакого внимания, продолжала отжимать волосы. Внезапно ее рука быстро метнула в шепелявого какую-то железку. Тот схватился за лицо и замертво рухнул на траву.

* * *

С грацией пантеры девушка молниеносно оказалась возле своей одежды, и у нее в руках появился тонкий и острый, как шило, металлический стержень.

Ничуть не стесняясь своей наготы, девушка сделала какие-то странные движения, потом вытянула руку с длинным «шилом» в сторону врагов и стала неподвижно ждать, только капли воды, стекая с лебединой шеи на прямые плечи и дальше – до округлых бедер, огибали многочисленные крупные и мелкие шрамы.

Ждали и мужики.

* * *

Немного погодя тот, который в картузе, как главарь, подошел к убитому и вытащил у него изо лба металлическую штуковину, состоящую из пяти небольших кривых лезвий, скрепленных вместе в центре, на котором был изображен дракон. Повертев ее в руках, он разобрался, что лезвия складываются к центру, а во время умелого броска выступают наружу, нанося смертельный ножевой удар:

– То-то же ж Беззубу черепушку-то и проломило.

К тыльной стороне странного оружия была приделана обычная заколка для волос.

* * *

Девушка легким отточенным движением воткнула «шило» в землю рядом с собой и начала неспешно одеваться. Она стояла лицом к мужикам, скрывая спину, которая от шеи до поясницы была покрыта татуировками – в центре красовался хвостатый дракон, обрамленный таинственными символами.

* * *

Мужики пооткрывали рты, когда девушка сначала надела подрясник, на него – кожаный ремень с какими-то мешочками и петельками, затем – тонкую кольчугу, сплетенную по фигуре из плотных рядов колец, судя по матовому блеску – серебряных, наверх – рясу с отложным воротником и рукавными отворотами, мантию с застежкой у горловины, а напоследок голову, спину, плечи и грудь покрыл черный апостольник, туго стянутый вокруг головы.

* * *

– На «заколочку» же ж, скрепи платочек, – ухмыльнулся главарь.

Девушка взяла и тут же спрятала оружие в потайной карман рясы.

– А ты непростая же ж... Да и мы не лохи же ж, беглые мы – с бессрочной каторги. Нам терять нечего же ж, – нарочито громко, чтобы слышали остальные, сказал главарь. – Зови меня Картуз, а это мои пособники.

«Монахиня» молчала, только ее большие выразительные черные глаза не моргая смотрели в глаза Картуза, да так, что по его спине пробежали мурашки. Он спешно отвел взгляд, чего не делал даже за Байкалом на Карийской каторге, где мыл золото в царскую казну среди последнего сброда.

* * *

Когда «монахиня» молча подняла небольшой дорожный мешок, закинула его за плечо и так же молча начала подниматься вверх на берег, Картуз подозвал мужиков:

– В Москву идет, больше некуда же ж.

Оглядев всех, он обратился к самому шустрому:

– Ты, Буря, иди за ней, только сильно скрытно же ж – видел сам какая. Потом найдешь нас на Хитровке же ж, где уговаривались.

* * *

Буря решил схитрить.

«„Монахиня“ вышла на берег и пойдет к Москве, а в город одна дорога – вдоль Яузы. Куда она денется», – подумал он и быстрым шагом, почти бегом, направился в обход дороги к окраине города.

Да и боялся Буря выдать себя, если следить дорогой.

– На околице у дороги ее дождусь, – разговаривал он сам с собой.

* * *

На околице он ждал до самой ночи, но так и не дождался «монахини».

Поняв, что его провели, Буря поплелся на Хитровку, бормоча себе под нос:

– Сейчас получу от Картуза. Хоть бы без крови обошлось. Картуз человек серьезный. На его счету не одна душа загубленная.

* * *

На улицах окраины Москвы, освещаемых только луной, было безлюдно, только пьяные голосили песни, шатаясь из стороны в сторону.

– Да, ночью на улицах простым людям опасно – прирежут за копейку, а пьяным все море по колено, – пробормотал Буря.

Он свернул в темный, но знакомый лабиринт улочек и переулков, чтобы срезать путь.

– И Хитровка эта еще у черта на Кулишках... – подумал Буря.

Это было последнее, о чем подумал Буря, потому что его шею проткнуло длинное и острое «шило»...

* * *

В обшарпанную дверь квартиры на втором этаже доходного дома на окраине Москвы постучали условным стуком.

Черноволосый бородатый мужик с грубыми чертами лица непонятной национальности, одетый в старую, но чистую нерусского покроя одежду темного цвета бесшумно подошел к двери и отворил ее, впуская «монахиню».

В свете свечки они внимательно осмотрели друг друга:

– Сейчас я Игнат, – сказал мужик.

– Сейчас я Пелагея, – ответила «монахиня».

Эпизод 2

Тихомир

20 июня 1861 года, Москва

Раннее московское утро июня 1861 года было солнечным.

К шикарному особняку на Ордынке подкатила пролетка, из которой нетвердым шагом вышел одетый по последней моде молодой человек. Поднявшись по ступеням массивной мраморной лестницы, он прошел сквозь колоннады и подошел к массивной дубовой обитой начищенной медью двери.

Лакей открыл ему.

Молодой человек, немного повременив, вопросительно посмотрел на лакея. Тот в ответ кивнул.

Молодой человек, вздохнув и опустив глаза, направился внутрь.

* * *

Войдя в светлый и высокий холл, простор которого отчасти создавали многочисленные зеркала, он уткнулся опущенными глазами в мраморный пол.

Тот был выложен в причудливом стиле: в центре был белый крест, окруженный серыми полосками, напоминающими циферблат часов, напротив каждой полоски располагались знаки, напоминающие знаки зодиака, но не они, а возле знака козерога была указана цифра ноль.

Сам холл, утопающий в экзотических для России растениях, являлся преддверием красивых, с изысканной балюстрадой, мраморных лестниц, устремляющихся с двух сторон на второй этаж. Верх стен холла был украшен красивым лепным карнизом в позолоте, а потолок — живописью. Стены холла были драпированы зеленоватой узорчатой тканью.

* * *

Ближе к центру холла, несмотря на обилие по его сторонам диванов и кресел, обивка которых соответствовала драпировке стен, на простом деревянном стуле сидел седовласый мужчина в шелковом персидском халате.

— Тихомир! Доколе все это будет продолжаться? — сказал мужчина, в котором с трудом можно было узнать бравого гусара, каким он был двадцать лет назад, и закашлялся.

По всему было видно, что ему не столько мешает говорить дефект в виде большого белого шрама на горле, искусно прикрытого шелковым платком, сколько гнев:

— Тихомир! Я считаю, что тебе достаточно бездельничать. Ты позоришь наш род! Завтра мы с маман едем в Париж. А ты... я принял решение, и ты в самое ближайшее время отправишься на мои оружейные заводы в Тулу. Уверен, что это отвлечет тебя от беспутства. А если ты и там нахомутаешь, то я женю тебя на первой встречной!

Наступила пауза.

Тихомир представил себя находящимся днем на заводе среди рабочих, где беспрестанный грохот станков, и скучную толстую жену, которая вечером заставляет его пить чай из пузатого самовара... с ватрушками...

— А пока что соизволь съездить и навестить моего боевого товарища. Завезешь ему в именине подарок на день рождения, — продолжил отец.

Эпизод 3

Урядник

21 июня 1861 года, Москва – Воронеж

В купе железнодорожного вагона сидел полноватый усатый, с пышными бакенбардами, мужчина лет шестидесяти в замусоленной полицейской форме и увлеченно читал какую-то книгу, обложка которой была аккуратно завернута в газету.

Когда дверь купе резко распахнулась, мужчина от неожиданности выронил книгу. Титульная страница открылась, обнаружив ее название на древнегреческом языке – «Метафизика» Аристотеля.

* * *

В купе спиной зашел Тихомир, который нес какой-то деревянный лакированный кофр. Мужчина спешно поднял книгу и спрятал ее за спину. Тихомир угрюмо сел и подпер голову рукой, глядя в окно.

* * *

Поезд еле заметно тронулся.

* * *

Мужчина пригладил усы и представился, явно «окая»:

– Олег Ярославович Воскресенский, урядник.

Тихомир в ответ безразлично представился:

– Тихомир. Тихомир Андреевич, выпускник Императорского московского университета.

* * *

Урядник был явно более разговорчив:

– Вот такие вот дела, мил-государь, отправлен нести службу в глушь – Воронежский уезд. А что уезд, если сам Воронеж – одно название, не то что Москва! Прошлый урядник и вовсе без вести пропал, проводили следствие, да ничего и не нашли. Такая, видать, судьба у человека. А ведь я его немного знал по службе – раньше сам работал в «сыском». А он сам напросился из Москвы в глушь, видать, зазноба какая была. Да не успел толком и послужить – меньше месяца, наверное, всего-то и прошло, как сгинул. Эх, теперь мне эту лямку тянуть... годовое жалованье в двести рублей, да пятьдесят рублей на обмундирование, сто рублей на содержание лошадки, да и пятьдесят пять копеек на ремонт шашки – иными словами, если пересчитать на день, то получится примерно по пятьдесят пять копеек в сутки – на такие деньги не зажиреешь. Хорошо, хоть лошадь от прошлого урядника осталась.

Урядник увидел, что Тихомир его не слушает, но все равно продолжил:

– Да и подчиненных всего раз-два и обчелся, и то из местных крестьян – выборные «десятские». А работ невпроворот: и санитарные дела, и пожарные, и соблюдения правил благочиния, а также первичное дознание, пресечение преступных антицарских замыслов, наблюдение за подозрительными, сыск беглых. Эх!!!

Эпизод 4

Должок

20 мая 1861 года, Воронеж

С месяц назад по мощеной битым камнем улице Воронежа ехала телега с какими-то тюками, запряженная старой клячей.

Издали было видно, что клячей управлял черноволосый бородатый мужик.

* * *

На выезде из города, возле выцветшей будки с вечно поднятым шлагбаумом, которые были когда-то выкрашены чернобелыми полосами, телегу остановил молодежавый полицейский с укороченной драгунской винтовкой:

– Ну-ка, мил-человек, пожалуй пашпорт. Кто таков?

Бородатый мужик неспешно повернулся к полицейскому и сказал с непонятым говором:

– Нет паспорта. Я помещичий, Канинского.

Полицейский насупился и для виду поправил винтовку:

– Тада пошли к начальству. Давай, двигай за мной.

* * *

Они прибыли к двухэтажному зданию городской управы, желтая краска которого давно облупилась от времени.

* * *

Полицейский завел мужика в маленький и неопрятный общий кабинет урядников уезда. Мужик зашел недовольно, с поникшей головой, и так и остался стоять.

Урядник жестом отпустил полицейского и наигранно смешливо обратился к мужику:

– Ну что, Игнат, не ждал меня тут видеть? А я вот поближе к тебе перебрался...

И уже грозно добавил:

– Где мое золото!!! Наводка моя правильная оказалась, раз ты тут ошиваешься!

Игнат никак не ожидал такой встречи, но совершенно спокойно и без лишних слов проговорил:

– Завтра... когда... где?

– У дуба на выезде из города завтра в полдень. Успеешь? Да смотри у меня... – урядник показал кулак.

3 серия

Усадьба

22 июня 1861 года, Костянки

Через старый, но стройный и чистый сосновый лес ехала телега с нехитрым крестьянским скарбом, дорожным саквояжем, упаковочным деревянным ящиком, тубусом и деревянным лакированным кофром на задке.

На передке телеги сидели двое – Игнат и Тихомир.

По обеим сторонам дороги был крутой косогор.

Оба молчали в лесной тиши, которую нарушало только поскрипывание колес да редкое пение птиц.

Первым тишину прервал Тихомир:

– А скажи мне, мужик, что за косогор тут такой?

Игнат сверкнул глазами, его резануло обращение, но виду не подал.

– Дорога в лесу – старый ручей, – проговорил Игнат, разделяя каждое слово.

Тихомир хотел было спросить, откуда тот родом с таким говором, но передумал.

* * *

Дорога начала сворачивать, и в глубине леса Тихомир увидел одинокую заросшую мхом избушку, которая стояла в тени деревьев прямо в низине старицы:

– А кто тут живет?

Лицо Игната отразило ненависть:

– Бабка, внучка.

Тихомира удивило выражение лица мужика, но он не придал этому особого значения.

* * *

Телега выехала на цветущий луг, конца и края которому не было видно.

Возница стал спешить и подгонять лошадь по ухабистой дороге.

Тихомир прищурился на утреннее солнце и поднял руку, закрывая глаза.

* * *

Телегу тряхнуло на кочке, и из нее выпал упаковочный деревянный ящик. Тихомир чудом перехватил лакированный кофр, уже выпадавший следом, и вытер моментально проступивший пот со лба:

– Стой! Ящик выпал!

* * *

Игнат остановил телегу, пружинисто спрыгнул и с легкостью поднял на нее выпавший деревянный ящик.

* * *

Весь остальной путь Тихомир придерживал рукой лакированный кофр.

* * *

Выехали к широкому спокойному Дону и поехали вдоль берега.

Вдали, через мост, виднелись постройки, расположенные на крутом высоком берегу реки – селение Костянки, а чуть повыше, на меловом холме – верхушка усадьбы с флюгером.

* * *

Рядом с телегой, проезжающей по деревенской улице с большими, но обветшалыми избами, бежала босоногая белобрысая детвора, но всего небольшая ватага, которая с интересом разглядывала незнакомца.

Тихомир в шутку раскланивался им, приподнимая шляпу, что вызывало у детей восторженный смех.

* * *

Сама усадьба не была окружена забором. Вместо ограждения по ее периметру несколькими рядами были высажены пушистые ели. И судя по их величавости – уже давно.

* * *

Так они подъехали к раскрытым резным деревянным воротам.

К удивлению Тихомира, их встречали два мраморных льва по обеим сторонам арки ворот.

Дальше следовала въездная аллея с двумя дорожками, по левую руку она была высажена дубами, а по правую – березами. По мере продвижения вглубь, деревья были все моложе и моложе.

Аллея заканчивалась овальным, заросшим кувшинками прудом, который был обложен тесаным камнем.

Впереди, за палисадником, величаво стоял высокий бревенчатый терем с двумя флигелями по бокам и мезонином, увенчанным флюгером в виде петушка, который Тихомир и увидел еще от реки.

Терем был богато украшен резьбой, но по всему было видно, что он, да и все вокруг находилось в упадке. Кругом было чисто, что говорило о наличии старательных женских рук, но то там, то сям – то досточка отвалилась, то ставни были перекошены... – значит, до мужской работы явно руки не доходили...

* * *

Тихомир обратил внимание на фундамент терема, который был выполнен плотно подогнанными крупными камнями под полигональную кладку. Такую кладку он не видел даже в Москве, но как-то раз видел в Кронштадте, куда ездил с отцом по его заводским делам.

* * *

На высоком крыльце терема гостя ждал хозяин, его жена и дети: сын постарше и дочь помладше.

– Добро пожаловать, тезка, – улыбаясь, сказал хозяин. – Прошу в мое родовое гнездо.

Телегу окружили дворовые люди, преимущественно бабы, шушукаясь и прикрывая лицо кончиками праздничных платков с цветочками.

* * *

Хозяин спустился с крыльца, обнял Тихомира и троекратно, по-русски смачно, расцеловал его:

– Как похож, как похож!

Жена и дети хозяина улыбались.

Хозяин представил их:

– Это моя жена, Лукерья Митрофановна, и дети – Стоян и Любава.

Тихомир слегка поклонился за знакомство.

– Ты как раз вовремя. Все готово. Сейчас будем начинать. Некогда располагаться – все потом, – заторопился хозяин и замахал руками мужикам.

* * *

Два дворовых мужика с трудом сняли с телеги тяжелый ящик и уже было хотели снимать лакированный кофр, как Тихомир остановил их и самостоятельно занес его в терем.

* * *

В горнице разными простыми деревенскими блюдами был накрыт стол.

Тихомир разглядел разнообразные горячие супы и каши, овощные квашения и мочения, соления из грибов, блюда из дичи.

Хозяин пригласил всех к столу.

* * *

Тихомир не сел, а открыл привезенный ящик и с триумфом передал хозяину красивую коробку карельской березы:

– Дорогой Тихомир Богданович! Примите в честь вашего дня рождения этот подарок от моего отца.

Хозяин открыл коробку. В ней, друг напротив друга, на бархатке лежало два вороненых револьвера крупного калибра.

Хозяин расплылся в улыбке:

– Знал Андрей чем угодить. С собственного завода?

Тихомир кивнул:

– Первые, российские!

И показал хозяину содержимое ящика, доверху забитого упаковками с патронами:

– А вот и довесочек!

Глаза хозяина загорелись:

– Так это ж хоть каждый день пали!

* * *

Он тут же снарядил револьверы, вышел на крыльцо и начал стрелять «с двух рук» в воздух.

Дворовые бабы с криками разбежались кто куда.

* * *

Застолье начиналось весело. Хозяин рассказывал веселые истории из прошлой военной жизни – было видно, что он был очень рад подарку и его настроение было приподнятое.

Все смеялись.

Принесли еще горячий домашний хлеб и разные тушеные, вареные и печеные блюда.

* * *

Тихомиру было комфортно в тесном семейном хозяйском кругу. Да и самодельная наливочка возымела свое действие. Видно, поэтому Тихомир и стал косить глазом на красивую черноглазую девку, прислуживавшую за столом.

* * *

Со временем хозяин перешел уже на истории из послевоенной жизни в Москве, и всем стало понятно, что он вспоминает ее с тоской и настроение его портится.

Хозяин стал налегать на наливку.

* * *

Чтобы разрядить обстановку, Тихомир предложил:

– Давайте я познакомлю вас с одним изобретением!

Он достал из лакированного кофра фотоаппарат, фотопластину и магниевую вспышку, а из тубуса – треногу.

Собрав и установив конструкцию, Тихомир объяснил:

– Этот аппарат делает фотографии – это как маленькие картинки, только черно-белые. Сейчас я вас сфотографирую, а по приезду в Москву сделаю «картинку» и вышлю вам на память.

Тихомир попросил всех выстроиться и стоять неподвижно, а для детей произнес «волшебные слова»:

– Внимание! Сейчас «вылетит птичка»!

* * *

Случайно в кадр семейной фотографии попала и черноглазая девка.

* * *

Фотосъемка произвела фурор, особенно среди детей, которые подбежали к аппарату и начали задавать Тихомиру вопросы.

Их перебил голос хозяина:

– А сколько ж стоит это устройство?

Тихомир, довольный собой и эффектом съемки, не задумываясь, ответил:

– Пятьсот пятьдесят рублей да плюс ввозные пошлины.

Хозяин присвистнул и налил себе еще.

Тихомир продолжил:

– Только сейчас фотопластину нужно положить в темное и прохладное место.

Хозяин загадочно улыбнулся:

– Пойдем.

* * *

Через череду проходных комнат они прошли в торец правого флигеля.

Хозяин достал из кармана ключ и объяснил:

– Это единственная дверь, которая запирается на ключ. Раньше на ночь даже ставни закрывали! Да и сам хозяин обходил усадьбу, проверял все запоры, спускал собак, которые только его слушали. А теперь время тихое.

* * *

Хозяин открыл дверь и пропустил Тихомира вовнутрь. Когда Тихомир вошел, то понял, что, судя по строгости комнаты, это был кабинет.

Хозяин неспешно начал зажигать свечи на высоких бронзовых жирандолях, стоящих на резных бюро и секретере, и на таких же настенных канделябрах с цветным стеклом. Кабинет начал постепенно освещаться, и Тихомиру сразу стало понятно, почему дверь запиралась на замок... По мере освещения Тихомиру представлялись стены кабинета, сплошь увешанные оружием поочередно с чучелами голов животных. Первое, что бросилось в глаза Тихомиру, – это старинное кремневое ружье с прикладом, расписанным арабской вязью. Оно висело между головами сохатого лося и бурого медведя с раскрытой пастью. Вообще, казалось, что все трофеи были развешаны бессистемно. Наверное, только сам хозяин знал особый порядок. Головы волков, оленей, косуль, кабанов, кавказского тура, козерога и других, неизвестных Тихомиру, животных, были перемешаны с саблями и пашками, ружьями, шпагами и рапирами, мушкетерами, кинжалами и кортиками, пистолетами, бердышами и секирами, карабинами, булавами и кистенями... Все это, в сочетании с бликами от цветного стекла при зажженных свечах, создавало «впечатление».

Стены кабинета в нижней трети были отделаны лакированным желто-коричневым деревом, а дальше вверх до подбитого такими же деревянными панелями потолка – тисненными обоями.

– Вот! Сделал по-московски, – похвалился хозяин, проводя рукой по стене, – раньше стены были обиты тканями, а теперь бумажные обои – от слова «обивать»!

Тихомир улыбнулся словам хозяина:

– Прогресс! Деятнадцатый век на дворе!

При всем этом своеобразном великолепии Тихомир не увидел шкафов с книгами, хотя в Москве модно было обустраивать библиотеки. Ни на бюро, ни в секретере не было никакого намека на бумаги или документы. Они были завалены разного калибра патронами вперемешку с охотничьим снаряжением, курительными трубками и табачными коробками. Да и письменного стола тоже не было. Тихомир понял, что хозяин не занимается управлением имения.

Зато были два стула и кресло. Именно в него хозяин заставил присесть гостя:

– Присаживайся, друг любезный! Табачку?

– Нет, нет. Спасибо. Не курю я, – Тихомир поспешил отказаться, уже понимая, что отказы тут не сильно принимают.

Тихомир уселся и обратил внимание на толстый слой пыли на всех поверхностях и отдельные кучки пепла на паркете и на ковре...

«Видно, хозяин сюда никого не допускает», – подумал он.

* * *

Тихомир Богданович подошел к трехногую вешалу, прикрытому белой тканью. Он торжественно, словно открывал музейный экспонат, сдернул покрывало.

Взору Тихомира открылся гусарский мундир. Однобортный доломан из сукна светло-синего цвета, присвоенного Ингерманландскому полку, застегнутый слева направо мельхиоровым костыльком, был обшит в пять рядов оранжевыми шнурами с тройными петлями по концам. Наплечные шнуры из двойного золотого жгута «гусарского узла» указывали на звание ротмистра. Композицию увенчивал фетровый колпак шапки гусарского образца с белым султаном и золотой подвесой с георгиевской ниткой. Суконный шлык шапки, украшенный оранжевой тесьмой по золотому прибору с российским двуглавым орлом и обтянутый черным барашковым мехом, своим светло-синим цветом также указывал на принадлежность к Ингерманландскому полку.

Тихомир чуть сдержался от комичности момента и для виду начал снова рассматривать стены – хозяин явно располнел с тех пор, как в последний раз надевал парадную форму.

Хозяин понял реакцию Тихомира по-своему и решил пояснить:

– Все мои предки были людьми служивыми. Почти все на чужбине сложили головы за Родину и Отечество. А я вот – живой, в преклонном возрасте, уйдя в отставку, поселился в родовой усадьбе.

Тихомир понимающе кивнул, а хозяин с горечью продолжил:

– Так сказать, променял столичную суету на размеренную жизнь. Обрел покой и уединение в родовом гнезде.

Тихомир понял, что хозяину взгрустнулось, и решил его взбодрить.

– С трофейным оружием мне понятно, а чучела? – спросил он.

Тут хозяин улыбнулся и с охоткой рассказал:

– Мои служивые предки в имение приезжали только на короткий срок – как в отпуск. Они увлекались благородным занятием: с древнейших времен русской забавой была охота! Даже созывали охотников с собаками медведей бить. Была и соколиная охота. Были свои ловчие и сокольничьи. И я иногда похаживаю...

– Ну и как? – с живостью перебил его Тихомир, которому уже немного надоело представление.

– Вот мои... волк и кабан, – хозяин с гордостью показал на чучела голов.

Тихомир одобряюще закивал головой.

Тихомир Богданович заулыбался еще больше:

– Ну да ладно! Сейчас что покажу! Бери свечку.

Он откинул легкий напольный коврик, под которым прямо в наборном паркете оказался люк, окованный стальными полосами.

С усилием открыв люк, хозяин подмигнул:

– Пошли!

* * *

Они спустились в довольно глубокий погреб, стены которого были обложены камнями.

В холодке на полках располагались многочисленные разнокалиберные бутылки.

– А это моя гордость, – расплылся в улыбке хозяин. – Переделал погреб по всем правилам... и вентиляция есть!

Он подошел к отдельно стоящему стеллажику и снял бутылку:

– Все наливки делаются по моим рецептам, которые я корректирую каждый год и уже добился хороших результатов. Сейчас угощу тебя особенной.

Хозяин подмигнул и, не глядя, привычным движением снял со стеллажика две чарочки.

– Держи!

Тихомир понюхал налитое и залпом выпил:

– Ух! Крепкая!

– А то, – хозяин довольно улыбнулся и выпил сам, – ну, давай еще!

* * *

Так, уединившись в погребе, они «перепробовали» весь «эсклюзивный ассортимент».

Уже в изрядном подпитии хозяин завел сокровенный монолог – наболело:

– Ты не знаешь, Тихомир, как мне опротивела эта глушь! Мне еще в отрочестве все тут надоело, а ведь тогда все было по-другому! Совсем другая жизнь была! Жили богато! Ведь поэтому я на военную службу и подался. Многие города и веси повидал, пока молодой был, а на старости лет... доживаю тут.

Тихомир, сам хорошо охмелевший, пропускал его слова мимо ушей, но тактично кивал в знак согласия.

Хозяин объяснял:

– Война забрала лучших мужиков, и остались почти одни бабы. Работать некому! Пропадает хозяйство. Дохода нет. А мои дети подрастают, их надо отправлять в город, давать образование и обеспечивать.

Выпили еще по чарке, и хозяин продолжил:

– Заставляю крепостных работать больше и больше, иногда даже кнутом, но сам понимаю, что уже нельзя ничего из них выжать. И я не один такой – по всей России разруха. Живых денег нет ни у кого.

И, подмигнув, добавил:

– Хотя другие неплохо живут! Миллионщики.

Тихомир понял, что разговор про его отца:

– Так спросили бы денег у отца?

Хозяин отмахнулся:

– Совестно. Да пока еще и не так прижало. Есть у меня затея – паровую лесопилку поставить. Леса у меня хватает. Только вот кто работать будет? Вот если надумаю, то тогда уж обращаюсь к Андрею.

Тихомир подумал: «Сам отцу скажу».

* * *

Выпили еще по одной. Хозяин перешел на шепот:

– Скоро станет совсем худо. 19 февраля император Александр II подписал манифест об отмене крепостного права. А я об этом людям не сказал. Хочу напоследок подзаработать. Завтра Ивана Купала – самый сбор трав. Травы потом сожгу до золы да выпарю поташ. Продаю его на ярмарке в Ростове-на-Дону. Там люди понимающие – берут мой поташ по хорошей цене. Мой отличается от всех остальных на ярмарке, высоко ценится и в основном идет за границу на лекарства. А знаешь почему? А потому что рядом с усадьбой живет старая знахарка – она и знает все целебные травы. Живет она в этих местах очень давно, и никто не знает, сколько ей лет, но она жила еще при деде моем, принимала роды отца моего и мои тоже. Отец наказывал ни в коем случае не притеснять ее, да я и не думал. Успокаивает она мои старые раны в своей баньке-развалюхе и травы дает всякие, да и всех местных она лечит. Забесплатно!

Хозяин потер озябшие руки:

– Ну, давай еще по одной, и пойдем. Покажу тебе мою единственную отраду!

Они выпили и начали выбиратья наверх.

* * *

От открытого люка отпрянула и спешными бесшумными шажочками убежала подслушивающая разговор Пелагея.

* * *

Мужчины прошли через коридоры терема и вышли к его заднему выходу.

Тихомиру стало понятно, что терем имеет форму креста: спереди короткий выступ парадного входа, по бокам флигеля, а сзади длинный выступ с «черным» ходом. Ему это что-то напоминало, но затуманенный мозг уже не имел над ним полной власти.

* * *

Позади терема были расположены хозяйственные постройки и конюшня.

Хозяин с гордостью завел Тихомира в конюшню, где в отдельных стойлах со свежим сеном перебирали ногами два рослых жеребца черной масти.

Хозяин, улыбаясь во весь рот, потрепал каждого жеребца по холке:

– Вот они! Моя единственная радость и отдушина!

Действительно, это были знатные восточные скакуны.

– Жеребцов продал по сходной цене Игнат, тот, который тебя из города привез. Да и напросился на работу. А чего не взять? Толковых людей мало. Он с дочерью своей приехал, Пелагеей. Беженцы они. Война многих крова лишила, – рассказывал хозяин, а сам все выглаживал гривы, – Игнат плохо говорит на русском и не любит общаться с людьми, поэтому я только его в город отправляю. Других людей не выпускаю – мало ли чего прознают раньше срока.

* * *

В конюшню зашел крепкий рослый мужчина средних лет:

– Тихомир Богданович! Для работы все готово. На заре будем начинать.

Хозяин кивнул:

– Ты, Третьяк, как всегда: только о тебе подумаешь, а ты уже тут. Знакомься, это сын моего старого боевого товарища. А зовут его...

– Тихомир, – сказал Тихомир и улыбнулся.

Третьяк слегка поклонился:

– Управляющий.

– А не устроить ли вечернюю верховую прогулку? Как ты, Тихомир?

Хозяин хлопнул одного из жеребцов по крупу. Раздалось резвое ржание.

– Третьяк, седлай, застоялись они. Да и сам езжай, устал я.

Затем хозяин прищурился и потер руки:

– А мне «мишеней» организуй.

4 серия

Эпизод 1

Ас-салям алейкум

17 апреля 1841 года, Анакопия

Когда Гор прибыл в Абхазию, уже вовсю кипела весна 1841 года.

Теперь, смотря на зеленеющие вершины, Гор вспоминал отчеты фон Брандта, которые внимательно читал в Милдхолле. Гор сотню раз намечал план, с чего начинать поиск, но сейчас он звериным чутьем понял, что все его планы – это полная чушь. Он направил свой твердый шаг вверх к развалинам древней Анако-пийской крепости.

* * *

Там, возле старого храма, на теплых, нагретых солнцем камнях сидели Джамал с Теймуразом и беседовали:

– Давай отроем саблю и занесем в аул. Уже много времени прошло. Русские ушли, – предложил Джамал.

Теймураз засомневался:

– А что скажем?

– Скажем, что нашли, – предложил Джамал.

* * *

Мальчишки начали спускаться в подземелье храма.

Теймураз почувствовал что-то, остановился и тревожно оглянулся: ничего, тишина. Только небольшая отара овец, за которой они присматривали, мирно бляла, с удовольствием пощипывая сочную первую травку.

* * *

Когда они выбрались на свет, то невольно зажмурились от яркого солнца.

Сильные руки крепко схватили их за шивороты черкесок, подняли над землей и трянули.

Болтая ногами, мальчишки испугано закричали и тут же полетели на камни, больно ударившись, что заставило их замолчать. Папаха слетела с головы Теймураза, обнажив светлые прямые волосы. Джамал выронил саблю, заботливо завернутую в овчину, и утирал окровавленный рот с прикушенным языком.

* * *

Опомнившись, мальчишки разглядели обидчика: перед ними, перекрывая собой солнце, стоял крупный мужчина в черной кожаной одежде с развевающимся на ветру черным плащом...

* * *

Мальчишки разом подумали, что мертвец встал из могилы, но этого не могло быть. Ведь они сами видели, как его хоронили, правда вдалеке от всех, потому что не нашли на нем нательного креста. Может, это призрак? Двурукий призрак?

* * *

«Призрак» сделал шаг в их сторону, и мальчишки вжались в камни.

Он носком сапога ловко подкинул сверток из овчины, легко, одними пальцами, разорвал крепкие кожаные завязки, и сабля оказалась в его руках, поблескивая в солнечных лучах.

* * *

Джамал, словно очнувшись, выхватил кинжал, который уже через мгновение был выбит из его рук резким взмахом сабли в руках чужака.

Мальчишки слышали стальной голос:

– Мне нужно поговорить с аксакалом. Понятно?

Мальчишки переглянулись, и Теймураз ответил:

– Дед есть только у меня.

Гор подумал про себя: «Абхазский язык не такой уж и трудный. Хотя потратил всю дорогу на его изучение».

А вслух сказал, указывая саблей на Джамала:

– Ты иди в аул и приведи мне его деда. Если хочешь, чтобы он был жив... – указал саблей на Теймураза, – ...Никому не говори. Понятно? Ваш Бог не поможет вам!

– Да, – ответил Джамал, – я могу привести деда, но это будет не быстро, он очень старый – ему любая дорога долгая.

– Я буду ждать. Беги, – глаза Гора сверкнули.

Джамал поднялся и, оглядываясь, опрометью побежал вниз к аулу, привычно перепрыгивая через камни.

* * *

– Рассказывай, – Гор обратился к Теймуразу.

Теймураз испугано спросил:

– Что рассказывать?

Гор ухмыльнулся:

– Все рассказывай. Откуда у тебя такая сабля? Почему у тебя голубые глаза и светлые волосы? Все рассказывай.

Теймураз молчал.

* * *

Гор подошел к вкопанному в скалистую землю деревянному, выдавшему виды кресту, пошатал его рукой, как бы проверяя устойчивость, и тихо промолвил:

– Молчишь...

* * *

Когда Джамал и дед Теймураза, сидящий верхом на лошаке, добрались до ущелья внизу крепости, то увидели встречающего их Гора, спокойно сидящего на валуне и саблей рисующего на земле какие-то знаки.

Гор поднялся, за его поясом был кинжал Джамала.

Стерев ногой нарисованные знаки, он поздоровался:

– Ас-салям алейкум.

Аксакал, белобородый старик в старой полинялой черкеске и такой же потрепанной временем папахе, глядя прямо и бесстрашно в черные, как угли, глаза Гора, ответил:

– Христиане мы. Да и не с миром ты пришел. Говори, где мой внук и что тебе надо?

Гор не ожидал такого поворота, но, криво ухмыльнувшись, ответил:

– Твой внук уже рассказал мне все, что знал. И откуда сабля... И про твой древний род... Но не знал он главного. Если ты мне ответишь, куда ушли Первые, то я тебе скажу, где твой внук.

Старикуловил в голосе Гора что-то особенное, после чего слезы навернулись на его глаза, и он хрипло сказал:

– Зачем я буду тебе говорить, если мой внук уже мертв.

Гор рассмеялся в голос и сделал шаг в сторону Джамала:

– А вот зачем.

Аксакал быстро и коротко прокричал:

– Ату!

* * *

Здоровенный лохматый волкодав, медленно и бесшумно приближающийся все это время со спины Гора, сделал неожиданно быстрый и мощный высокий прыжок. Вот-вот клыки должны были сомкнуться на шее Гора, как тот увернулся, одновременно выставив вперед кинжал Джамала. Кавказская овчарка заскулила и рухнула на землю.

* * *

Гор развернулся, молниеносно схватил Джамала за руку и гневно прокричал аксакалу:

– Я сохранию ему жизнь, если ты скажешь мне, куда ушли Первые!

Аксакал на мгновение задумался и, с трудом выговаривая слова, обратился к Джамалу:

– Прости меня.

В ту же секунду Гор рубанул саблей правую руку Джамала:

– Как было сказано на горе Синай: «глаз за глаз, зуб за зуб...»? Так и я говорю на этой горе: «руку за руку»!

* * *

Джамал, потеряв сознание, беспомощно лежал на земле, истекая кровью.

* * *

Гор подошел почти вплотную к старику:

– Ты еще можешь его спасти.

Глаза аксакала горели гневом:

– Они ушли с гусарами.

Гор кивнул:

– Теперь, старик, живи с этим до своих последних дней...

Старик бросился к Джамалу, перехватил обрубок руки, пытаясь остановить кровь, при-
слонился ухом в груди – тот уже не дышал...

* * *

Гор как ни в чем не бывало направился вверх в гору. Когда он проходил мимо развалин
храма старой крепости, то даже не посмотрел в сторону деревянного креста, на котором было
распято тело Теймураза...

Эпизод 2

Прогулка

22 июня 1861 года, Костянки

Двое верховых неспешно отъехали от терема к воротам усадьбы.

Тихомир спросил:

– Почему справа аллеи дубы посажены, а слева – березы?

Третьяк улыбнулся:

– Правая сторона всегда считается мужской, а левая – женской. Так и от терема: когда в роду рождается сын, то справа высаживают дуб, а когда дочь, то слева – березу. Это их деревья на всю жизнь. Люди ухаживают за ними, а деревья оберегают их, помогают советом, лечат от болезней – нужно только прислониться к дереву и поговорить с ним, попросить...

Тихомир сделал вид, что ему интересно, но на самом деле подумал: «Что за бред такой?»

Третьяк продолжил:

– Да и не по аллее мы едем, а по колее. Аллея, она вон, с другой стороны, та, что от ворот до дверей дома идет, а колей – наоборот. Видел, львы ворота охраняют? Так и «аллея» и «колей» от слова лев! Во как!

Теперь Тихомир уже удивился.

* * *

Уже перед воротами верховые услышали выстрелы и вторящие им бабские крики да причитания.

Тихомир улыбнулся, а Третьяк рассмеялся:

– Не будет больше у баб горшков да крынок.

* * *

Третьяк указал рукой:

– Род хозяина древний. Видишь: от первых дубов да берез только корни и остались... Раньше как было?! Выбирал человек место для житья там, где умереть хотелось, чтобы красиво было, спокойно, душевно. Так и птицы гнезда свои строят. Поэтому усадьбы строились как под птиц: сначала колей-аллея, чтобы птице было видно, куда лететь, за ней пруд для посадки на воду, и сама форма терема как птица – спереди голова из мезонина, по бокам – флигели как крылья, а сзади уже длинное тело да хвост. Вот и получается, что усадьба есть родовое «гнездо»!

Тихомир уже внимательно слушал, видя в Третьяке интересного рассказчика.

* * *

Неспешно выехали из ворот усадьбы.

С пригорка хорошо было видеть местные окрестности, которые освещались зеленым лучом заходящего солнца.

В селении было тихо.

– Почему ни одной живой души? – спросил Тихомир.

Третьяк снова улыбнулся:

– Так завтра ж Ивана Купала. Все уже на заре выйдут на работы – отсыпаятся.

Тихомир не понял:

– Так я знаю, что Ивана Купалу ночью празднуют.

– Так это в ночь праздновать... – махнул рукой Третьяк. – Это в стародавние времена был большой праздник – Купало. Потом стал церковный – Ивана Купала. А сейчас вообще все сводится к сжиганию трав на поташ для коммерции.

Тихомир спросил:

– А ты веруешь в Бога?

Третьяк сделал вид, что не расслышал, и показал на реку:

– Красота! Мы зовем Его «Тихий Дон наш, батюшка», потому что он величавый и спокойный, кормилец наш.

* * *

Выехали к Дону. Лучи заката скользили по широкой водной глади, образуя дорожку.

После довольно продолжительного молчания Третьяк спросил у Тихомира и тем самым поставил того в тупик:

– А ты знаешь, почему правый берег Дона крутой и отвесный, а левый – пологий и низменный?

Тихомир никогда не думал об этом. «А ведь правда! Почему простой деревенский мужик знает то, чего мне никогда и в голову не приходило. Все как бы само собой разумеется. А столько загадок вокруг!» – подумал Тихомир, а вслух попросил:

– Расскажи!

Третьяк, довольный собой, ответил:

– Все просто. Потому что наша планета не как плоский блин, а круглая, как шар, да еще и крутится вокруг оси, как колесо. С запада на восток. Вот вода реки и подмывает правый берег. Раз земля крутится вокруг оси, то одна сторона отворачивается от солнца, поэтому бывает день и ночь. А после сегодняшней ночи дни уже будут все короче и короче. Солнце будет светить меньше, поэтому в старину это был праздник прощания с летним солнцем. А еще Земля крутится вокруг самого Солнца, поэтому есть зима, весна, лето и осень.

– Действительно все просто.

Конечно же, Тихомир знал про Солнечную систему, но такое объяснение разных берегов никогда бы не пришло ему в голову.

– Просто да непросто, – рассмеялся Третьяк. – На другой стороне земли все наоборот. Левый берег реки крутой, а правый – пологий!

– Да, Южное полушарие, – тут уже Тихомир блеснул. – Лето в Южном полушарии длится с декабря по февраль, а зима – с июня по август.

Третьяк рассмеялся:

– Я ж говорю – все наоборот. В полдень там солнце на севере, а у нас – на юге. Поэтому мы на путь солнца смотрим с севера – слева направо, а они – с юга справа налево.

* * *

Третьяк, глядя в небо, стал разворачивать коня:

– Поедем назад: луна уже поднялась, серебряная. Небо чистое – хороший завтра день будет. Заболтались с тобой, а завтра тяжелый день.

– А возьми меня завтра с собой, – попросил Тихомир.

– Ну, если на заре поднимешься, милости прошу... – рассмеялся Третьяк.

* * *

Проехав немного, Тихомир, призадумавшись, спросил:

– Третьяк, а откуда ты знаешь все, что мне рассказывал?

Тот обыденно ответил:

– Так я же «Третьяк» – третий сын в семье. Старших братьев война забрала, а третьего на бойню не берут – не положено. Родичи мои вскоре померли. Вот и остался я сиротой. Кругом все небогато живут, вот и приютила меня Знахарка. Она не была крепостной. Знахарка образованная и научила меня еще в детстве читать, писать и считать. А после – многому другому. Вот я благодаря грамоте и стал управляющим.

– А что за Знахарка? Когда меня в имение везли, я видел в лесу избушку, – спросил Тихомир, вспомнив непонятную реакцию Игната.

– Так там она и живет с внучкой своей – Забавой. Хотя никто и никогда не видел ее родителей.

Эпизод 3

Ин ша Аллах

8 октября 1843 год, Туркменистан

По широкой пустынной степи, покрытой редкими кустарниками саксаула, прогуливался седовласый мужчина преклонного возраста, одетый в распашной халат с вышитым на спине летящим журавлем и тюбетейку из красного шелка, расшитую мелким геометрическим узором. Он держал за руку маленькую девочку с непокрытой головой в узких штанишках и темно-красном халатике, густо вышитым яркими цветами. Пожилой человек что-то рассказывал девочке, а она увлеченно слушала и... улыбалась. Легкий ветерок нежно трепал длинные, пепельного цвета волосы девчушки – осень 1843 года была на редкость мягкой для Туркменистана.

* * *

Из-за невысоких кустарников за происходящим возле юрты в небольшую подзорную трубу внимательно наблюдал Гор. Он уже больше двух лет рыскал по всей России в поиске следов отдельных гусар Ингерманландского полка в надежде, что они приведут его к Первым. Теперь Гор ликовал!

* * *

Пожилой человек уже давно увидел блики от линзы подзорной трубы, но не подал вида и спокойно продолжал прогулку с девочкой.

* * *

Из небольшой одинокой юрты вышла красивая молодая женщина в темно-зеленом чекмене, украшенном тонкой тесьмой по бортам, подолу и боковым разрезам. Платок еле сдерживал ее густые волосы такого же необычного цвета, как и у девочки, и она то и дело поправляла их.

* * *

Как только женщина посмотрела в сторону девочки, та, словно прочитав ее мысли, повернулась и, смеясь, побежала к маме.

За ней, заметно прихрамывая, в сторону юрты направился и мужчина.

– Забавушка! – женщина приобняла девочку, – что тебе рассказывал учитель?

Девочка прильнула к маме:

– Сказочку, матушка.

Женщина, обращаясь к мужчине, с почтением пригласила:

– Пойдемте вечерять. Загулялись сегодня – скоро спать пора.

* * *

Войдя в юрту, старик чуть слышно прошептал на ухо женщины:

– Надо уходить. Нас нашли.

Женщина совершенно спокойно и серьезно ответила:

– Я ждала этого и давно приняла решение... Встретимся в следующей жизни...

* * *

Этой же ночью разъяренная толпа людей в оборванных халатах, кто в тюбетейках, кто в тельпеках, вооруженная палками и факелами, окружила юрту.

Степь наполнилась криками:

– Смерть ведьме! Смерть ведьме!

* * *

Внезапно крики начали стихать, а затем и вовсе затихли: сквозь толпу к входу юрты шел Гор. Люди расступались, давая ему проход. Они с почтением смотрели на него снизу вверх, самые рослые едва достигали ему до плеча.

* * *

Гор, с видом победителя, зашел в юрту и замер от неожиданности.

В юрте была только одна женщина. Она сидела спиной к нему в позе «лотоса» в одной длинной белой шелковой рубахе.

Гор обошел ее вокруг.

Глаза женщины были закрыты, руки уложены на колени ладонями вверх, а большие и указательные пальцы соединены.

В почти уже погасшем очаге благоухали степные травы...

Гор понял, что его обманули. Он опоздал и уже не сможет вытащить Первую из астрала.

В ярости он было выхватил саблю с серебряной рукоятью, но, глубоко вдохнув с закрытыми глазами и плавно выдохнув, успокоился.

* * *

Выйдя из юрты, он прокричал:

– Ин ша Аллах!

Толпа радостно загалдела, и на юрту полетели факелы.

* * *

Гор отошел подальше и начал внимательно всматриваться в кромешную темноту.

* * *

Под покровом ночи старик и девочка почти ползком, но как можно быстрее углублялись в степь.

Остановившись на короткий передых, старик приоткрыл старую потертую походную торбу. Девочка увидела, что из нее исходит какое-то необыкновенное красное свечение...

5 серия

Эпизод 1

Накануне

23 июня 1861 года, Костянки

Ранним утром дня накануне Ивана Купалы Тихомир с Третьяком ехали по цветущему лугу в телеге, в которой лежал кофр с фотоаппаратом и тубус.

Тихомир смотрел на мужиков, которые по росе, выстроившись в ряд, складно косили полевые цветущие травы.

* * *

Третьяк соскочил с телеги, сорвал пучок какой-то травы, растер в руках и поднес к лицу Тихомира.

Тихомир понюхал и затряс головой от резкого неприятного для него запаха.

Третьяк рассмеялся:

– На этом лугу все больше полыни, чем других трав. А всего собирается больше шести десятков разных трав.

Он показал Тихомиру на женщин, которые шли перед мужиками:

– Каждая женщина собирает определенную травку. Но, прежде чем сорвать, просит у нее прощения: они живые!

Тихомир удивленно посмотрел на Третьяка.

Тот, не обращая внимания, показал на берег реки:

– Скошенные травы будут свозиться на большую поляну у реки для сжигания до золы, а собранные травы будут сушиться или из них будет делаться отвар.

Он понукал кобылку:

– Скоро придется отдать телегу в работу.

* * *

Видя, что мужики сделали перекур, Тихомир слез с телеги, подготовил фотоаппарат и сфотографировал их прямо с самокрутками во ртах и косами в руках.

Теперь пришла очередь Третьяка удивляться.

Тихомир с гордостью объяснил ему принцип фотосъемки и, подмигнув, сказал:

– Становись. Только замри и не двигайся. Потом пришлю твой портрет!

Третьяк выставил вперед грудь, подтянул живот и уставился в объектив...

* * *

Подъехав ближе к лесной дороге, Тихомир с Третьяком встретили идущую навстречу девушку в простой крестьянской белой с вышивками одежде. Девушка несла на коромысле деревянные ведра с водой.

* * *

Девушка-красавица была славянской внешности с большими небесными глазами. Она приятным певучим голосом приветливо поздоровалась с небольшим поклоном головой:

– Доброго дня. Испейте водицы – ключевая.

Третьяк лихо спрыгнул с телеги и также с легким поклоном, улыбаясь, ответил:

– И тебе доброго дня, Забава.

* * *

Тихомир как замороженный сидел в телеге и не мог вымолвить ни слова.

Он неповоротливо, с окаменевшими ногами, слез только тогда, когда Третьяк сначала раз, а потом и второй приглашающе махнул ему рукой.

* * *

Мужчины поочередно стали пригоршнями пить воду прямо из ведра.

В то время, когда Тихомир пил воду, его глаза и глаза девушки встретились, и обоим показалось, что между ними пробежала искра...

Он, заикаясь, представился:

– Тих-ой-мир.

Она рассмеялась и пролепетала в ответ:

– Забава.

Видя неловкое замешательство, Третьяк коротко сказал:

– Пора.

Но Тихомир взмахом руки остановил его.

* * *

Он очень суетливо стал собирать фотоаппарат.

Забава с интересом наблюдала, а после послушно позировала: вставала то на одно указанное Тихомиром место, то на другое – в лесу были тени от деревьев.

Наконец, Тихомир сфотографировал Забаву и с облегчением выдохнул.

– Увидимся на Купала, – сказала Забава, развернулась и пошла по руслу старого ручья к виднеющейся избышке.

* * *

Мужчины, не отрывая глаз, смотрели ей вслед. Забава шла словно по струночке. Только толстая коса почти до пят из пепельных густых волос размеренно покачивалась из стороны в сторону в такт ее мелким шажкам.

* * *

У кромки невысокого редкого молодого лесочка Тихомир и Третьяк встретили женщин, одетых с ног до головы, в рукавицах и с лицами, завязанными платками вокруг головы до самых

глаз. С женщинами, жестикулируя, разговаривала какая-то тощая старуха невысокого роста, одетая так же, как и остальные.

Женщины с любопытством смотрели на подъехавших и стали перешептываться. Старуха прикрикнула на них, стоя спиной и никак не реагируя на мужчин.

* * *

Третьяк слез с телеги, подошел к ней с поклоном и начал уважительную беседу.

* * *

Тихомир в это время приготовил фотоаппарат и, когда старуха повернулась, без всякого предупреждения сделал снимок. Поднялся крик: женщины, испугавшись магниевой вспышки, стали убегать в сторону лесочка.

У одной из женщин во время бега слетел головной платок и показались огненно-рыжие волосы.

* * *

Старуха неспешно подошла к Тихомиру. На него она, кажется, не обращала никакого внимания, зато внимательно рассматривала объектив фотоаппарата. После короткой паузы она также неспешно молча развернулась и пошла в сторону лесочка.

* * *

Третьяк, стоящий рядом, развел руками:

– Вот такая она – наша Знахарка!

Разочарованный таким знакомством Тихомир обратил внимание, что на том месте, где стояли женщины, валяется много яичной скорлупы.

Третьяк перехватил его вопросительный взгляд:

– Знахарка ведет женщин собирать особенные травы и цветы, которые очень ядовитые, поэтому женщины закрывают все части тела, оставляя только глаза. Пред этим они обмазывают руки и лица яичным белком, а желтки выпивают. Этому учит Знахарка, чтобы женщины не отравились. Сбор таких трав очень опасен, поэтому для него привлекают только уже рожавших женщин, почти все из них являются одинокими или вдовами-«солдатками»...

* * *

На обратном пути к усадьбе, подъезжая к Дону, Тихомир увидел, как на крутом берегу несколько мужиков на скорую руку сбивают длинный дощатый стол, а на пологом берегу выкашивают траву. Он вопросительно посмотрел на Третьяка.

* * *

Третьяк, уже, видно, спешивший, быстро объяснил:

– На правом берегу, там, где усадьба, будет празднество. Но стол будет накрываться намного раньше, потому что существует традиция: постоянно есть во время работы. А на левом

берегу, у луга, будут сжигать травы. Это место выбрано специально – вдалеке ото всех. Травы будут сжигать самые возрастные мужики или те, кто в чем-то провинился, потому что это очень опасная работа и некоторые люди потом сильно болеют и даже могут умереть.

* * *

К мужчинам спешил босоногий мальчонка, который, запыхавшись, проговорил:

– Начали грузить траву. Надобно еще телег.

Третьяк кивнул:

– Тихомир, прогуляйся сам, а я на работу.

– Довези меня до усадьбы. Оставлю фотоаппарат, – понимающе ответил тот.

* * *

Подъезжая к терему, Тихомир увидел сцену порки какого-то бородатого мужика. Мужик орал во все горло и попытался вырваться из привязей к лавке, но только получил плетью по лицу.

На крыльце стоял хозяин в стеганном атласном домашнем халате и наблюдал за экзекуцией.

Тихомир вопросительно посмотрел на Третьяка, но тот только пожал плечами и тихонько кивнул в сторону хозяина.

* * *

Поднявшись на крыльцо, Тихомир поравнялся с хозяином.

– Тихомир Богданович, мне бы фотопластины в погреб положить, – попросил он.

Хозяин был явно не в духе, он молча достал из кармана ключ от кабинета и отдал его Тихомиру.

* * *

Спускаясь в погреб, Тихомир увидел засов с внутренней стороны люка, на который он в первый раз не обратил внимания.

* * *

Он старательно пронумеровал и подписал фото пластины. Когда он укладывал их в коробку, то улыбнулся, глядя на фотопластину с номером «4» и надписью «Забава».

* * *

В горнице Тихомира поджидала Лукерья Митрофановна:

– Тихомир Андреевич! Вы все утро пропадали. Мы беспокоились. Да и голодный, поди?

Тихомир виновато улыбнулся, а хозяйка пригласила:

– Перехватите завтрака! Полдник да обед еще далеко, а ужин и паужин все равно с Третьяком проходите!

На столе стоял самовар с чайником наверху и посуда с горячим картофелем, вареными яйцами, ржаным хлебом, вареньем, сливками, печеньем и кренделями.

Хозяйка махнула рукой, и в гостиную занесли блюдо с пышущей аппетитной кулебякой.

Тихомир уселся за стол. Он на самом деле испытывал жуткий голод.

Хозяйка подошла к нему и предложила:

– Вам чай байховый или цветочный?

Тихомир благодарно закивал головой с набитым кулебякой ртом.

Эпизод 2

Послание

13 ноября 1843 года, Ростов-на-Дону

Почти всю осень 1843 года Гор потратил на безуспешные поиски сбежавших по всей Средней Азии.

* * *

Он сидел в трактире чернее тучи и размышлял над неудачей, накручивая себя.

Взяв себя в руки, он вспомнил, чему его учили: нет мысли – отвлекись на другое, нейтральное.

Он подозвал полового и заказал еще препоганого местного пива.

– Еще три копейки, милостивый сударь, – сказал тот, поднося кружку с пивной пеной, оседавшей прямо на глазах.

Гор отмахнулся от него и стал рассуждать: «Я нахожусь в Ростове-на-Дону. По европейским меркам это город не большой, но и не малый. Как мне сказали, в нем постоянно живет больше, чем двадцать тысяч человек, да на заработки приходит тысяч пятнадцать, но с полумиллионной Москвой, конечно же, не сравнить».

Добрый глоток пива поднял ему настроение.

«Почему Ростов-на-Дону растет? Потому что процветает промышленность и торговля. Одних купцов с семействами, как мне сказали, в городе больше тысячи».

* * *

Тут в трактир завалилась веселая компания, двое мужчин из которой были одеты по-европейски. Компания уселась за соседним столом и заказала водки и закуски. «Соседи» громко разговаривали про какой-то «поташ», что его лучше покупать не летом, а осенью, когда цены значительно упали. Но это было не главное. Главное было то, что двое европейцев говорили на английском и говорили про Лондон!

* * *

Гор невольно улыбнулся: ему пришла идея, а точнее – сразу две.

Первая – он продолжит поиски от центра – из Москвы.

Вторая – он попросит Магистра о помощи: лишние руки и головы не помешают.

Но Гор снова задумался: сообщать Магистру о провале или нет?

* * *

Его мысли прервал один из английских торговцев, который за столом вовсю флиртовал с «не очень свежей барышней фривольного поведения». Он собирался «освежиться» и пытался вырваться из цепких рук «барышни». Та в шутку называла себя «Мадмуазель», а его обзывала «похабными» словечками, но очень певучим и нежным голосом. А тот, ничего не понимая, кивал и улыбался. Устроенный Мадмуазель спектакль веселил всех русскоязычных, включая и кухонных девок, которые наблюдали в приоткрытую дверь.

«Вот яркий пример того, что надо знать разные языки!» – подумал Гор и направился вслед за англичанином, пока тот еще что-то соображал.

* * *

Торговец что-то мурлыкал себе под нос на пути в уборную, когда ему дорогу преградил Гор.

Торговец хотел было закричать, но Гор прикрыл его рот рукой и сказал на английском:

– Ты, мой соотечественник, должен помочь мне, а значит, и Великой Британии.

– Каким образом? – удивленно спросил тот.

– Просто передай записку в Лондон, и все, – объяснил Гор.

Торговец прищурил глаз и спросил:

– Кому передать?

Гор тихо, но отчетливо ответил:

– В Милдхолл.

Глаза торговца округлились.

Гор приложил указательный палец к губам:

– Только помни: это секретная миссия! Никому ни слова.

Торговец часто закивал головой, уже и забыв, куда направлялся, прошептал:

– Мой номер «11». Я буду ждать в нем.

* * *

Выждав, когда торговец поднимется на второй этаж, Гор проследовал за ним. По узкой нескладной лестнице, ступеньки которой были покрыты затоптанной ковровой дорожкой, он подошел к своему номеру «7», располагающемуся почти напротив одиннадцатого номера, через коридор. Подойдя к двери и посмотрев по сторонам коридора, он снял с ее верха тоненький волосок, прикрепленный к дверному проему. Убедившись, что в комнату никто не входил, Гор спешно достал из саквояжа блокнот в благородном твердом переплете, выполненном в мягкой коже, и миниатюрную походную чернильницу с пеналом. Вырвав лист, Гор закрепил стальное штампованное перо на ручке и, обмакнув его в чернила черного цвета, быстро написал послание, которое можно было перевести на русский язык так: «Она мертва. Есть дочь. Нужна помощь в поиске. Встреча по московскому адресу».

* * *

Выйдя из комнаты, Гор установил секретный волосок на место и постучал в номер «11».

Торговец ждал его прямо у двери.

– Могу я рассчитывать на вознаграждение? Судно отправляется завтра с первыми лучами солнца. Путь будет долгим... А так я отложу все свои дела и меньше чем через месяц доставлю послание по адресу, – с жадностью спросил он.

Гор, ожидая такого вопроса, протянул ему монету в один фунт:

– В Милдхолле ты получишь «сколько пожелаешь».

Торговец замялся:

– Попрошу написать о моем вознаграждении в письме. Так будет надежнее.

– Но у меня нечем дописать! – с наигранной досадой ответил Гор.

– О! Это теперь не является проблемой, – сказал торговец и достал из кармана чернильную ручку.

Открутив от нее колпачок, он протянул ее Гору.

Гор чуть сильно провел стальным пером по бумаге – оно оставило легкий след фиолетовых чернил.

Гор подумал: «Давно я не был в цивилизации...»

Приписка гласила: «Вознаграждение „сколько пожелает“».

Пробежав глазами по бумаге, торговец поклонился:

– Для меня большая честь доставить послание в сам Милдхолл!

Гор повторил:

– Это секретно! Никому!

Торговец сделал знак, прикрывая свой рот рукой.

* * *

Горничная, молодая женщина, одетая в белый передник и чепчик – на европейский манер, несла по коридору поднос с фарфоровыми кофейником и чашкой на блюдце.

«Вот уж господа, кофею пьют себе да с жиру бесятся, – думала она. – Пробовала я енто кофее, Машка с кухни по-тихому наливала, фу! – горькое, а деньжищ тянет... одиннадцать копеек!»

Настроение у горничной было не из лучших: на днях она узнала, что нагуляла ребеночка, в голове крутились мысли: «И что теперь делать? С работы попрут – как пить дать, так и жить негде. Домой в деревню брюхатой ехать, так там собственная мать прибьет, своих ртов – не прокормить. Хоть возьми да повесься! А у Машки спроси совета, так она снова заладит своим скрипучим голосом: „А я говорила!.. А я говорила тебе, Анюта!“».

С такими мыслями Анюта, стараясь аккуратно держать поднос, постучала в дверь номера «7». Ответа не было. Она прислушалась – тишина.

Она захотела было открыть дверь запасным ключом – такое разрешалось – и уже потянулась к кармашку передника, как поднос наклонился, и чашка с блюдцем соскользнули с него и как-то медленно в ее глазах начали падать на пол. Анюта начала читать молитву «Во спасение...» и, кажется, успела прочитать ее всю полностью, пока они падали. Но, видно, все-таки только половину прочитала, потому что блюдце звонко вдребезги разбилось о деревянный пол, а чашка покатила себе, виляя по коридору.

Анюта заплакала:

– Сейчас еще за блюдце высчитают.

Пока она вздыхала да охала, чашка докатилась до лестницы, и... полетела по ступенькам вниз.

Анюта с горя села на пол коридора и... твердо решила повеситься. Но звона разбитой чашки она так и не дождалась. Поставив поднос на пол, она решила узнать судьбу чашки и пошла к лестнице.

Но тут ее осенило: «Посуда бьется к счастью, а чашка-то не разбилась!»

Анюта остановилась: «Значит, будет беда! Не пойду в этот номер!»

* * *

Так она стояла в растерянности и не знала, что делать, пока дверь номера «11» не открылась и из него не вышла Мадмуазель. Она рассеяно посмотрела на заплаканное лицо Анюты, сунула ей в руку монету и начала спускаться по лестнице. Шаг, еще шаг – и Анюта услышала, как чашка снова запрыгала вниз.

«Ну и будь что будет», – Анюта подумала и начала рассматривать нерусскую монету с королевой, «потому что в короне», на одной стороне и чем-то непонятным на другой стороне.

Так и не дождавшись звона разбитой чашки, Анята спустилась с лестницы и, к своей большой радости, увидела ее – целехонькую. Она быстренько подняла ее, протерла передником, от греха подальше, и решительно направилась в коридор за подносом.

* * *

Тихонечко открыв дверь номера «7», Анята замерла от увиденного, и поднос сам собой полетел на пол...

В центре комнаты спиной к ней сидел совершенно голый крепко сложенный мужчина и делал руками какие-то непонятные плавные движения, от которых мышцы на его спине перекачивались, сходились и расходились. Хоть при догорающих свечах все было в полумраке, Анята увидела, что вся его спина разрисована какими-то знаками. Она слышала, что такие нестираемые рисунки делают чернилами слуги Антихриста, но самой видеть ей довелось впервые.

В голове у Аняты пронеслось: «Надобно бежать в полицию. Авось и награду каку дадут!»

В этот момент мужчина резко обернулся и вскочил на ноги...

* * *

Под утро Машка проснулась в тесной коморке на двоих и не увидела своей соседки.

Засунув руку под ее одеяло, поняла: «Постель холодная. Видно, снова к «милому» подавалась. Эх! Рисковая...»

Думать ей ни о чем не хотелось: надо было вставать и идти готовить завтраки для постояльцев. А как любил говаривать хозяин: «Завтраки на то и завтраки, чтобы их готовить из того, что осталось от вчера – на завтра. А это – наука. Надо знать, кто останется дальше постояльцем, а кто съедет. В этом весь толк!» Машка сладко потянула свое плотное полукруглое тельце и начала собираться.

* * *

На кухне она и нашла свою соседку, которая висла на бельевой веревке под потолочной балкой первого этажа.

* * *

Машка первым делом бросилась к Аняте – холодная, неподвижная, только рука разжалась, и из нее выпала монета. Машка, не будь дурой, сунула ее за щеку и понеслась вопить «Караул!». Тут-то и началось... гвалт... постояльцы все начали улепетывать, а кто-то под шумок норовил и не расплатиться... скандалы... понаехало полиции... начали ловить кого ни попадя...

* * *

Уже ближе к обеду началось дознание. Хоть в городе частенько случались душегубства, но до самоповешенья мало кто доходил.

Полиция расположилась прямо в ресторации.

* * *

Дошла очередь и до Машки.

Опрос вел молодой полицейский капитан-исправник, при серебряных погонах на новенькой с иголочки форме. Но Машкиному наметанному глазу сразу стало видно, что он вчера «здорово перебрал», поэтому много вопросов не задавал.

Протоколы молчаливо писал пожилой, усатый, с пышными бакенбардами полицейский – помощник исправника, судя по замусоленной форме – не из женатых.

Исправник встал, утер испарину со лба:

– Олег Ярославович, заканчивайте оформление и отпускайте девку. Я пойду, выйду на воздух, похожу, душно тут.

Машка вздохнула с облегчением и собиралась было вставать, как полицейский, не поднимая головы от протокола, показал ей рукой: «Сиди».

Все также, не поднимая головы, он спросил, «окая»:

– А что, голубушка, взяла ты чего у повешенной?

Машка застыла на мгновенье, но потом ответила:

– Что вы, что вы. Нет, конечно.

Полицейский поднял на нее глаза, их тяжелый взгляд приковал Машку к лавке.

Он постучал пальцем по столу:

– Ложи сюда.

Машка, сама не своя, не понимая, что делает, встала, подошла и, неловко расстегнув несколько пуговиц платья, достала монету, хранившуюся в районе пышной груди. Затем положила ее точно в то место на столе, на которое указал полицейский.

Полицейский бросил взгляд на монету и сказал Машке:

– На каторгу хочешь?

Машка замотала головой.

– Тогда беги из города, и чем быстрее... – продолжил он.

Машка быстро-быстро закивала и побежала в свою каморку собирать манатки.

* * *

Начальства все не было, и помощник сам начал проводить дознание. Еще через несколько опрашиваемых человек завели Мадмуазель, которая оказалась просто Василиной, да не из местных легализованных жриц любви, а из приехавших на «сезонные заработки».

Олег Ярославович сразу понял, что она до смерти боится полиции, потому что на спецучет не становилась:

– Ну что, Василина, давай рассказывай.

Та начала быстро тараторить про свою тяжкую долю, которая заставила ее приехать на «заработки», как была остановлена поднятой вверх рукой полицейского. Да так и осталась молча сидеть, задрав голову и смотря на его руку.

– Теперь говори про англичанина, – сказал полицейский.

Василина и выложила все как было, и закончила:

– Потом он, сильно пьяный, начал хвастаться, что состоит на службе у самого главного англичанина, который даже главнее, чем сама королева. Что ему доверено передать секретное письмо в какой-то дворец Милхол...

Полицейский закивал головой, а Василина отдышалась и продолжила:

– Я видела, что англичанин разговаривал с рослым мужчиной в черной одежде. Англичанин тот еще до суматохи съехал, а этого черного человека потом на улице видели. Говорили, что он узнавал, когда поезд до Москвы уходит.

Олег Ярославович довольно улыбнулся и что-то пробормотал себе поднос, а вслух «проокал»:

– Хочешь жить – тогда быстро домой! И больше в этом городе не появляйся.

Василина покраснела:

– Как же мне отблагодарить Вас, батюшка мой, спаситель!

И, оглянувшись по сторонам, полезла под стол.

Полицейский так треснул по столу кулаком, что Василина опрометью вылетела из трактира.

* * *

Когда пришло начальство, Олег Ярославович довольно пригладил усы и доложил:

– Господин исправник! Самоубийство на почве чувств. Закрываем дело?

– Вот и ладненько, – ответил исправник уже слегка заплетающимся языком.

* * *

Закончив дела, Олег Ярославович поспешил направиться на железнодорожный вокзал, где к вечеру «срисовал» по описанию Василины «рослого черного мужчину», который не садился в московский поезд до последнего и уже запрыгнул в вагон на ходу.

6 серия

Эпизод 1

Забава

23 июня 1861 года, Костянки

Под вечер Тихомир прогуливался по окрестностям селения и вышел на луг. Издали он увидел Забаву, которая приветливо помахала ему рукой.

* * *

Они продолжили путь вместе вдоль смешанного леса по краю луга.

Шли молча. Забава улыбалась. Тихомиру, любующемуся ее красотой и легкостью, казалось, что рядом с ним парит ангел.

Тихомир первым прервал молчание, и завязался диалог:

– А почему тебя называли Забава?

– Меня так назвала мама, когда я только-только родилась, потому что сразу стала улыбаться – была забавной.

– А где твоя мама?

– Моя мама рано умерла. Я ее почти не помню. С раннего детства я живу тут с бабушкой.

Заговорив о маме, Забава перестала улыбаться и погрузилась в воспоминания, но это продолжалось всего несколько мгновений.

* * *

Затем она снова улыбнулась и сказала:

– Да, я всю жизнь прожила в этом месте и ни разу не была в городе. Как там живут люди?

Тихомир начал с гордостью рассказывать:

– Я живу в Москве. Там очень много людей, где-то миллион жителей, а это больше раза в два, чем во всем вашем Воронежском уезде. Почти все люди в Москве живут в больших многоэтажных каменных или кирпичных домах.

Забава внимательно слушала, и без того огромные глаза ее стали еще больше.

– Как можно жить в каменных домах на голове друг у друга, если вокруг столько земли? А есть ли в городах деревья? Я не понимаю, как можно жить вдали от деревьев, цветов, животных, рыб...

Теперь настала очередь Тихомира улыбнуться:

– Конечно, в городе много парков, бульваров и аллей. В них выложены каменные тропинки и установлены скамейки. Даже вечером можно там прогуляться, потому что они освещаются керосиновыми фонарями.

Забава прищурила глазки:

– А животные?

– О! Сейчас в Москве на Пресненских прудах строится зоосад. Я читал, что туда свезут диких животных со всей России: медведей, волков, лисиц, зайцев, белок, оленей и даже отловят птиц. Но главное – привезут и невиданных: львов, тигров, леопардов и крокодила! Им

приготовят удобные и просторные жилища: они будут жить в клетках и вольерах, – с восторгом рассказывал Тихомир.

Глаза Забавы снова стали круглыми:

– В клетках?

Тихомир кивнул, и они некоторое время шли молча.

* * *

Погодя Тихомир продолжил:

– В городе много возможностей, поэтому люди и приезжают туда. Можно заработать много денег, чтобы жить комфортно в большом доме, вкусно есть, хорошо одеваться.

– Зачем иметь много денег? Я знаю, что такое деньги. Видела их у бабушки – это просто золотые кругляшки, и все! Мне хорошо живется в избе. Летом в ней прохладно, а зимой тепло.

Есть маленькая банька. Мы вкусно питаемся тем, что дает земля, – Забава была серьезна, но потом снова прищурилась. – Вот скажи мне, тебе удобно ходить в твоей одежде?

Тихомир оглядел себя как бы со стороны снизу вверх: узкие туфли, тесные брюки, рубашка с галстуком, жилет, сюртук, шляпа, перчатки. И развел руками.

Забава поняла его ответ, засмеялась и начала кружиться, отталкиваясь босыми ногами и разведя руки в стороны. Ее прямого покроя холщовое самотканое платье-рубаха ни капельки не стесняло движений – ей было легко и свободно.

* * *

Тихомир решил высказать еще один аргумент:

– В городе много разных людей. Можно с ними общаться по интересам. А чтобы не было скучно, вечером можно ходить в театры или на балы.

Забава звонко рассмеялась:

– Мне никогда не скучно. Я могу запросто разговаривать с животными и деревьями, даже с водой. Только они все очень смешные!

Тихомир усмехнулся.

– О чем думает это дерево? – спросил он, указав на березу.

Забава подошла и, погладив рукой ствол, ответила:

– Ей жарко и хочется пить. Она старалась пустить корни глубже, но ей встретился большой камень, который стоит большого труда обойти.

– А о чем думает этот цветок? – вопрос Тихомира прозвучал иронично.

Забава наклонилась и, прикоснувшись к луговому раскидистому фиолетовому колокольчику, ответила тоненьким голосом, якобы подражая цветочку:

– Осторожно со мной! Видишь, какой у меня тонкий и слабенький стебелек. Вот и расту я на лугу среди трав, которые загораживают меня от ветра и дождя. А сейчас я буду опускать свои головки вниз к земле, потому что скоро солнышко будет заходить.

* * *

Тихомир рассмеялся, воспринимая ответы Забавы так, как будто девушка шутит.

– В городе есть университеты, в которых можно научиться многим наукам, изучить иностранные языки, – сказал Тихомир и, пока не воспринимая способности Забавы всерьез, добавил: – Ну, или просто школы, где учат читать и считать.

Забава загадочно улыбнулась и спросила:

– Какой иностранный язык у тебя самый любимый?

Тихомир, не задумываясь, пафосно ответил:

– Французский, который обязан знать каждый приличный дворянин!

Так они еще немного прощлись, думая каждый о своем, пока Забава не попросила:

– Скажи что-нибудь про меня.

Тихомир призадумался и, романтично глядя ей в глаза, не чувствуя подвоха, произнес:

– У тебя красивые голубые глаза.

Забава немного смутилась, потупив предмет восхваления, но все же попросила:

– Скажи это на французском языке!

Тихомир замялся, начал что-то лепетать, подбирая и комкая слова, и, наконец, выдал из себя полную чушь:

– Tes beaux yeux sont bleus.

То, что сказал Тихомир, очень развеселило Забаву, и она, смеясь, проговорила фразу на чистейшем французском:

– Tu as de beaux yeux bleus.

И, после паузы, на английском:

– You have beautiful blue eyes.

На итальянском:

– Hai dei bei occhi blu.

На немецком:

– Du hast schone blaue Augen.

* * *

Тихомир стоял в полном недоумении, что еще пуще развеселило Забаву.

Он решил взять реванш:

– Ты умеешь складывать числа?

Забава, улынувшись, переспросила:

– Числа или цифры?

Тихомир пожал плечами:

– А какая разница?

Забава ответила:

– Числа – это как буквы, только с титло наверху, чтобы не перепутать, – сделала волнообразное движение рукой Забава, – а цифры придумали арабы. Раньше всех ученых людей называли «арабами». Они придумали свои арабские цифры от нуля до девяти очень просто – по количеству углов, и цифры нужны только для геометрии.

Забава взяла пруток и начала ловко выводить на песке арабские цифры:

– В нуле нет углов, потому что он круглый. В цифре «один» – один угол, в цифре «два» – два угла, в цифре «три» – три угла, в цифре «четыре» – четыре угла, в цифре «пять» – пять углов, в цифре «шесть» – шесть углов, в цифре «семь» – семь углов, в цифре «восемь» – восемь углов, в цифре «девять» – девять углов!

Тихомир не ожидал узнать такого простого объяснения арабских цифр и очень удивился.

* * *

Забава увидела вдалеке Знахарку и убежала, смеясь:

– Мне пора!

Эпизод 2

Сколько пожелает

5 декабря 1843 года, Лондон

В первых числах декабря 1843 года в док лондонского Сауту – арка в эстуарии Темзы зашло торговое судно. Как только швартовка была закончена и поданы сходни, с него сбежал человек и спешно скрылся в тумане, окутавшем причал.

* * *

Человек шел широким шагом, стараясь нагнать потерянное время. Идти ему было долго: сначала по набережной до Лондонского моста,

* * *

потом через мост по Кинг-Уильям-стрит

* * *

и Принсес-стрит

* * *

до Бэйсинхолл-стрит.

* * *

Подойдя к зданию, человек отдышался и поднял голову, посмотрев на лепной герб фасада, мелко быстро перекрестился. Его губы зашевелились в короткой молитве, и он решительно направился к двери Милдхолла.

* * *

На его стук тяжелая дверь открылась, человек юркнул в нее и уперся носом, оказалось, в живот здорового амбала. Тот вопросительно кивнул.

Человек, путая слова, которые репетировал весь путь от Азовского моря до Северного, с третьего раза объяснил, что он торговец и привез срочное письмо из Ростова-на-Дону.

* * *

Амбал провел рукой по лысой голове и жестом указал ему пройти дальше – в темный холл. Там он обыскал торговца с ног до головы и, бесцеремонно оторвав подкладку жилета, извлек «надежно припрятанное» письмо.

* * *

В холле появился невысокий старичок, который молча протянул руку амбалу, взял письмо.

Торговец низко поклонился старику, но тот не обращал на него никакого внимания, а бегло читал.

– Опиши мне человека, который передал тебе это письмо, – попросил он торговца.

Торговец поднял вверх глаза, вспоминая внешность, и довольно точно описал Гора.

Старичок, ничего не ответив, развернулся, чтобы уйти, как торговец с возмущением прокричал:

– Мой лорд, мне было обещано вознаграждение! Я в точности соблюдал все условия! Я добрался сюда так быстро, как только смог, и нигде не задерживаясь в пути, поэтому потерпел торговые убытки! Я держал язык за зубами, выполняя секретную миссию!

Старичок негромко сказал амбалу:

– Сколько пожелает.

* * *

Ночью в Темзу, скрытую туманом, плюхнулось мертвое тело.

7 серия

Эпизод 1

Купала

23–24 июня 1861 года, Костянки

Уже заметно начало темнеть, когда Тихомир подошел к большой поляне, где начиналось гулянье. Стол был накрыт по деревенским меркам очень богато: было много разнообразной, в основном жирной мясной пищи, много яиц, меда, кваса. Но, к удивлению Тихомира, он не увидел у стола ни одной лавки, и стар и млад – все были на ногах.

* * *

К Тихомиру подошел довольный Третьяк:

– Ох и хорош в этом году сбор! Видишь, на том берегу только костры догорают – зола до утра не остынет!

Тихомир кивнул и спросил:

– Почему нет лавок? Все стоят!

Третьяк отмахнулся:

– Знахарка запретила ставить лавки, хотя старожилы рассказывали, что в давние времена все сидели за столом. Да и не усидишь тут – сейчас гуляния начнутся!

Громко засвистев, Третьяк пустился вприсядку:

– Эх, барыня, барыня, барыня-сударыня!..

Отдышавшись, сказал:

– Я скоро буду. Завершу дела и приду.

* * *

Начались гулянья.

Тихомир с интересом в сторонке наблюдал за народными обрядами.

* * *

Девушки в цветочных венках пели песни в хороводе.

* * *

Девушки и парни поодиночке вереницей прыгали через костер.

* * *

Девушки опускали венки в воду, а парни вылавливали их и приносили девушкам назад.

* * *

Девушки и парни играли в догонялки.

* * *

Девушки и парни уже парами, взявшись за руки, прыгали через костер.

* * *

Все вместе водили хоровод и пели песни.

* * *

Все веселились, ели и пили угощения.

* * *

Наблюдая за обрядами, Тихомир не заметил, как к нему подошла Знахарка.

Она жестко и внимательно посмотрела ему в глаза, взяла его руку и немного подержала в своей.

Глаза Знахарки потеплели.

– Как называется твое устройство? Я когда-то давно смотрела через такое стекло на звезды, – без предисловий спросила она.

– Это – фотоаппарат. Его совсем недавно изобрели. Он делает фотографии – это как маленькие картинки с изображением того, на что направляешь объектив. Только для этого надо солнце, а сейчас уже темно, – разочарованно ответил Тихомир.

При словах «совсем недавно» Знахарка едва улыбнулась и понимающе кивнула головой:

– Солнце надо для всего!

* * *

Тихомир понял, что Знахарка имела в виду телескоп и хотел ее пораспрашивать, но та уже отвлеклась и смотрела в сторону на рыжую женщину, которая выбилась из хоровода и танцевала сама по себе, словно в экстазе.

* * *

Знахарка подошла к рыжей женщине и посмотрела ей в глаза: зрачки были сильно расширены.

Знахарка сделала знак, подзывающий женщин из хоровода, и указала им на рыжую. Две женщины тут же подхватили ее под руки и повели ее в лесок рядом с поляной. Другие две женщины выхватили из хоровода молодого мужчину, что-то сказали ему и проводили в тот же лесок.

* * *

Некоторые женщины, глядя на происходящее, стали запросто брать мужчин из хоровода за руки и уводить их за собой, а те безропотно следовали.

* * *

К Тихомиру и Знахарке подошел Третьяк с факелом в руках и, картинно стерев пот со лба, объявил:

– Работы закончены. Получилось много золы.

Знахарка улыбнулась и, потрепав Третьяка по русой шевелюре, сказала:

– Еще нет! Сегодня ночью будет сильная гроза...

Третьяк удивленно посмотрел на чистое звездное небо и переспросил:

– Матушка! Так ясно же?

Знахарка загадочно ответила, глядя на Тихомира:

– Дело не в ясном небе, а дело в том, что она сделала свой выбор...

* * *

Видно было, что Третьяк расстроился, но перечить не стал:

– Эх, не суждено мне в этом году погулять! Поеду, привезу рогожи да золу укрою.

* * *

Тихомир был удивлен предсказанием Знахарки и ее пояснением. Он вопросительно посмотрел на нее, но та словно не поняла его и увела разговор в сторону, не менее интересную...

– Хочешь знать правду о древнем обычае? – Знахарка показала рукой на кострище.

Тихомир согласно кивнул.

* * *

Знахарка хорошо поставленным спокойным голосом, словно рассказывала сказку, начала:

– Обычай изменился со временем. В стародавние времена он был посвящен божеству летнего солнца Купале, затем он был замещен христианами на праздник Иоанна Предтечи, или по-другому Иоанна Крестителя – можно говорить Иван Креститель, который, по разумению церковников, родился в эту ночь. Так совместились два имени в одно «Иван Купала», а церковники объяснили второе имя «Купала» тем, что Иоанн Предтеча «купал» Христа при его крещении.

Тихомир спросил:

– Почему именно эта ночь так привлекательна была и для древних людей, и для христиан?

Знахарка ответила:

– Солнце очень важно для всего живого. Ночь эта приходится на день летнего солнцестояния, «солнцеворот», когда день идет на уменьшение. Все животворящие силы на Земле пробуждаются и хотят успеть воспользоваться последним «длинным» солнечным днем. Травы и цветы являются самыми простыми созданиями на Земле, у которых есть разум, они меньше

других живут, поэтому стараются больше всех впитать в себя солнечную энергию. А человек, как самое разумное творение на Земле, может воспользоваться этим и собрать травы и цветы, переполненные целебными свойствами.

В древние времена люди жили в лесах, знали о целебных свойствах трав и цветов, которые потом использовали как лекарства, но только для собственных нужд, не забирая у природы больше, чем надо. Теперь люди живут в городах и пользуются готовыми лекарствами, поэтому те люди, которые остались жить в лесах, стали скашивать целые луга – для городских. Но травы не так просто сохранить и перевезти на большие расстояния, поэтому люди придумали, как извлечь из них лекарственные свойства: они сжигают их для поташа, сушат, делают отвары.

Но люди не понимают, что собирание большого количества трав может привести к тяжелой болезни и даже смерти, поэтому их приходится учить, как предохранять себя от воздействия трав, обманывать, предлагая игры, пугать нечистой силой.

Тихомир сосредоточенно слушал чарующий голос Знахарки, рассказ был построен так, что его сознание затуманилось: в его голове сами собой всплывали образы.

* * *

Знахарка посмотрела на него, улыбнулась и продолжила:

– Послушай, что говорят традиции, а что происходит на самом деле!

* * *

Традиция говорит, что в праздник девушкам надо носить цветочные венки, которые символизируют честь, красоту и счастливую судьбу обладательницы. На самом деле венок на голове девушки – это символ ее невинности и желания выйти замуж. Посмотри: вон стоят девушки, к которым пришла «весть» от жениха – они без венков, они «Весты», а вон тем – с венками на голове – еще «не пришла весть» от жениха, и они пока не знают, кто их возьмет замуж, – это «Невесты». Но тем, кто познал плотскую любовь до замужества, не разрешается надевать венок.

* * *

Традиция говорит, что в праздник надо много есть, на то он и праздник, что не каждый день. На самом деле люди постоянно должны есть, особенно жирную пищу и сырые яйца, чтобы травяная и цветочная пыльца не глубоко вдыхалась. Жиром обволакиваются дыхательные пути.

* * *

Традиция говорит, что этой ночью нельзя засыпать ни на мгновение, чтобы не украл леший, который только и ждет случая, поэтому даже едят стоя, водят хороводы, поют песни, играют в догонялки. На самом деле люди должны постоянно двигаться, чтобы не заснуть – можно не проснуться от задержки дыхания под воздействием пыльцы.

* * *

Традиция говорит, что ночью в праздник надо жечь костры, потому что вместе с дымом в небо уходят все беды, накопленные за весь год. На самом деле костер нужен, потому что

огонь уничтожает пыльцу. И чтобы ночью было видно – одной луны не хватает. Да и прыгать будет через что!

* * *

Традиция говорит, что прыжки над костром – обязательный ритуал. Влюбленным прыгать надо парами, взявшись за руки, если руки не разойдутся, то будет удачный брак. Пара же по взаимному согласию состоит из девушки, пустившей в воду свой венок, и парня, поймавшего этот венок в воде. На самом деле прыжки через костер всегда страшны для человека, а от страха сердце начинает биться чаще и кровь быстрее бежит, от чего организм быстрее высвобождается от действия пыльцы.

* * *

Традиция говорит, что надо сжигать старую одежду, чтобы с ней ушли все болезни. На самом деле одежда, в которой собирали травы, сжигается, потому что забита пыльцой.

* * *

Традиция говорит, что надо окунаться в воду с головой, чтобы смыть все болезни, что вода бывает волшебной только дважды в год, но в отличие от крещенской воды, которая считается целебной для души и тела, купальская вода обладает животворящими качествами, поэтому крещенскую воду считают мертвой, а купальскую считают живой. На самом деле надо обязательно ополоснуться, чтобы смыть с себя пыльцу.

* * *

Традиция говорит, что надо быть в воде только возле самого берега, чтобы не утопила русалка, которая следит за людьми из воды. На самом деле под воздействием пыльцы можно не справиться с собой и утонуть.

* * *

Традиция говорит, что среди всех растений не цветет лишь папоротник, но хорошо известно, что растению, для того чтобы дать жизнь своему «потомству», нужно зацвести. Поэтому если цветок папоротника появляется в ту ночь, когда цветут все растения, то принесет счастье и удачу тому, кто увидит невиданное! На самом деле папоротник всегда растет вместе с «грибом-корнем», который имеет споры, которые ночью светятся как светлячки. Эти споры предотвращают отравление, поэтому их можно просто слизать языком, как требует организм.

* * *

Слушая Знахарку, Тихомир следил за происходящим на его глазах: как девушки в венках и парни возвращались из лесочка, неся в руках листья папоротника, как в уже почти погасших кострищах люди сжигали одежду, а затем, почти в темноте, голые бежали в реку и плескались в ней. Тихомир чувствовал себя на подъеме: знания окрыляли его, теперь он знал правду.

* * *

Но все же ему не давал покоя вопрос о рыжей женщине, и он спросил Знахарку:

– Что не так было с той рыжеволосой женщиной?

Знахарка нехотя объяснила:

– Традиция говорит, что в единственную ночь в году накануне Ивана Купалы старые девы имеют право зачать от любого мужчины в селении, не заслужив осуждения соседей и не наведя вечного позора на голову своего будущего ребенка. Каждой женщине, потерявшей надежду найти себе мужа, разрешается взять из хоровода мужчину, который ей приглянулся, вне зависимости от того, женат он или холост. Никто не смеет отказываться от этого «почетного долга». Если появляется дитя, то все селение празднует его рождение. Все считают своим долгом любить и лелеять, а отца ему заменяет все селение. На самом деле в постоянных и продолжительных войнах гибнет много мужчин, и их число надо восполнять. Да и самое быстрое и надежное средство против тяжелых отравлений, которые обычно бывают у женщин, которые собирают особенно опасные ядовитые травы, – это немедленная связь с мужчиной. Когда женщина «радуется», то женский организм оживает.

* * *

Подошел Третьяк и гордо объявил:

– Вся зола укрыта. Пришлось повозиться.

Знахарка, как будто задумавшая оставить Тихомира одного, сказала Третьяку:

– Проводи меня. Совсем темно уже.

Третьяк выставил вперед факел и подчеркнуто галантно взял Знахарку под руку, приглашая следовать за ним.

Знахарка улыбнулась ему:

– Баловник.

Тихомир, исполненный благодарности, сказал Знахарке:

– Спасибо!

К его удивлению, Знахарка в ответ фыркнула:

– Прежде чем говорить слова, надо знать их значение.

Эпизод 2

Гроза

23–24 июня 1861, Костянки

Наступила Купалавская ночь. В чистом небе была видна россыпь звезд и луна, тускло освещающая землю.

Тихомир стоял в полном одиночестве и размышлял, что делать: дожждаться Третьяка или самому идти к усадьбе?

Внезапно ему до смерти захотелось увидеть Забаву...

* * *

В ту же секунду к нему кто-то неслышно подкрался сзади и чьи-то горячие тонкие руки прикрыли его глаза.

– Кто я?! – прозвучал мелодичный девичий голос.

– Забава? – удивленно произнес он.

Забава, как и обычно, звонко рассмеялась, взяла его за руку и повела за собой.

В этот момент стали слышны первые раскаты грома. Засверкали молнии, и начался проливной дождь.

Забава ускорила шаг, затем побежала, увлекая за собой Тихомира. Дождь уже вовсю лил, как из ведра.

Насквозь мокрые, они зарылись в стог сена на лесной полянке...

* * *

Им казалось, что они одни на всем белом свете... что нет ни грома, ни молний, ни дождя...

* * *

За стогом сена из-за берез наблюдала Пелагея.

* * *

Гроза закончилась так же внезапно, как и началась. Небо снова стало чистым и звездным. Слегка разворошив сено, Забава смотрела в небо.

Потом прошептала:

– Я сосчитала звезды!.. – И заснула на плече Тихомира, как ангелочек.

Ткань с ее плеча сползла, и Тихомир увидел на шее необычное родимое пятно, напоминающее по форме закругленный в правую сторону четырехлепестковый «коловорот».

Тихомиру, наоборот, не спалось. Он был по-своему счастлив... и охранял сон Забавы.

Только перед самым рассветом сон сморил его.

* * *

Пелагея ни сдвинулась с места до самого рассвета. Она ждала, когда Тихомир уснет, но тот, как назло, лежал и улыбался сам себе.

Она уже мысленно представляла, как подходит к стогу и...

– Рассвет! Сейчас меня хватятся в усадьбе! Пора бежать!

Пелагея скрипнула зубами.

* * *

Возле усадьбы ее ждал Игнат.

Подойдя к нему, Пелагея отрицательно помотала головой.

Игнат скорчил недовольную гримасу.

Пелагея тихонько спросила:

– А у тебя что?

Игнат помотал головой:

– Проверил весь дом. Никаких следов. Надо искать в избе колдуньи.

8 серия

Эпизод 1

Без прощания

24 июня 1861 года, Костянки

Ранним утром Тихомир проснулся и не обнаружил Забавы.

– Может, это и к лучшему, – подумал он и начал отгонять от себя мысли, которые преследовали его всю ночь.

* * *

Тихомир осмотрелся и направился к усадьбе.

По дороге через луг он встретил девушек, которые бегали босиком по росе, бессовестно задирая подошвы.

Они радостно смеялись и кричали ему:

– Барин! Побегай с нами по росе – год болеть не будешь!

Тихомир в ответ помахал им рукой.

* * *

Возле усадьбы мимо него в сторону реки проехала вереница телег.

«За золой», – подумал Тихомир.

На одной из телег ехали Игнат и бородатый мужик со свежим шрамом на лице. Они совсем не по-доброму посмотрели на Тихомира. Непонятный холодок пробежал по спине, и Тихомир поежился.

* * *

Возле терема Тихомира поджидал хозяин.

– А я баню приказал заложить, – сказал он, загадочно улыбаясь.

* * *

На заднем дворе на отшибе стояла рубленая баня с двускатной крышей.

* * *

В предбаннике были простые деревянные скамьи и стол, на стенах висели березовые веники, а у входа в парилку у печи лежали березовые дрова.

Хозяин без стеснения начал раздеваться и подмигнул Тихомиру:

– Давай, не робей. Это тебе не Сандуны!

* * *

При входе в парилку находилась печь.

– Это печь, а с той стороны каменка. Она сложена из камней-валунов, специально отобранных – без трещин. Сверху котел с кипящей водой. Тут осторожней – не обварись! – предупредил хозяин.

* * *

От каменки по стене, ближе к потолку, шел высокий помост – полук.

– Залезай, – хозяин указал Тихомиру на полук.

В свете керосиновой лампы «стенника» Тихомир боязливо взобрался на полук по широким ступеням, уселся и огляделся. Вдоль стен были лавки для мытья, на которых стояла банная утварь – ковши и ушаты. В углу стоял чан с холодной водой.

Хозяин зачерпнул квас из берестяной лоханки и плеснул на камни – баня начала заполняться целебным паром.

Сухой жар добрался до Тихомира, и он попытался соскочить вниз.

Хозяин остановил его:

– Ты ложись на полук.

Тихомир улегся, боясь дышать жаром.

Хозяин залил кипятком березовый веник в ушате.

– Полежи, погрейся, – сказал он. – «В бане веник дороже денег».

Тихомир поерзал, кося глазом на веник.

Хозяин объяснил:

– Веники надо заготавливать в конце мая или начале июня, пока лист березы не становится жестким. В год для одного человека надо веников семьдесят-восемьдесят, потому что веником парятся только один раз! Потом они бабам для хозяйства переходят.

* * *

Тихомир немного попривык к жару:

– А что баня – давно стоит?

– Это новая баня, старая сгорела лет пять назад. Баню надо строить на расстоянии от жилья, чтобы не случилось пожара. Но и не слишком далеко, чтобы не простудиться после нее. Старая баня стояла около реки. Там и изба была для отдыха, и мосток в реку. Бывало по молодости, попаришься и с разбегу в холодную реку! Но сейчас новую здесь поставил – ходить тяжело стало. Срубили баню из сосны. Потолок для тепла уложен берестой, мхом и дерном. Пол с уклоном, чтобы вода стекала и не заводилась сырость, а тепло было сухим и горячим, – рассказал хозяин.

Тихомир поддержал разговор:

– Баня – это целая наука!

– Да, что мытье в бане, что сама баня – это есть наука! Старая по традиции топилась «по-черному». Дым и угар от горящих в каменке дров по всей бане был. Выходить он мог только через оконца в стене, а во время топки приоткрывали еще и дверь. А теперь вот печка в предбаннике, и дым через трубу идет. Топить баню надо ольховыми или березовыми дровами, но лучше – березовыми, поскольку они выделяют деготь, который заразу всякую со стен и потолка убивает, – продолжил рассказ хозяин.

Он вынул горячий веник из ушата, со знанием дела потряс его и закомандовал Тихомиру:
– Ложись ниц!

Тихомир послушно перевернулся.

– Парить тело нужно вдоль спины от лопаток до ног, но не поперек! – приговаривая, хозяин начал парить: – Эх! Баня парит, баня правит!

* * *

После бани и плотного обеда Тихомир засобирался.

Обнявшись с хозяином, он попросил:

– Тихомир Богданович. Пусть меня Третьяк завезет.

Хозяин «покашлял» и показал глазами на графин с наливкой...

* * *

Выйдя из терема, Тихомир начал садиться в телегу к Третьяку, как услышал уже знакомое «покашливание».

Он обернулся: хозяин, улыбаясь, «покашливал», а рядом стояла Пелагея с подносом, на котором было две стопки.

Тихомир взмолился:

– Тихомир Богданович! Помилуйте! Так мы к поезду не успеем!

Хозяин потер руки:

– Давай на посошок!

Тихомир вздохнул:

– Уже была «застольная» – в знак уважения к тем, кто остался за столом.

Потом была «подъемная» – за покидание стола.

За ней была «на ход ноги» – за движение от стола.

За выход за порог была «запорожская».

После нее за выход во двор была «придворная».

У меня и посоха-то нет, чтобы «на посошок» пить!

Хозяин настойчиво подходил к Тихомиру:

– Давай, давай. Традиции нарушать нельзя!

Тут он внезапно оступился, вылив настойку на штаны:

– Черт!!!

* * *

Тихомир соскочил с телеги.

– Пелагея!!! Неси графин!!! – прокричал хозяин.

* * *

Тихомир воспользовался конфузом и вылил настойку на землю:

– Тихомир Богданович! Я уже! Благодарю вас от всего сердца. Действительно, пора отправляться.

Хозяин в расстройстве пожал плечами и махнул рукой.

Они еще раз обнялись, и телега тронулась по колее.

* * *

Прибежала Пелагея с графином и новыми стопками. Хозяин хотел налить себе, но тут уже вмешалась его жена:

– Тихомирушка, да хватит уже сегодня! Пожалей себя...

Хозяин, смахивая слезу, в сердцах запустил графином куда-то в кусты палисадника.

* * *

Подъезжая к воротам, Третьяк в голос рассмеялся:

– Повезло тебе, Тихомир!

Тот вопросительно посмотрел в ответ.

Третьяк еще больше рассмеялся:

– Дальше были бы «стременная» – за то, что поставил ногу в стремя, – и «седельная» – за то, что сел в седло. И поверь, то, что ты не верхом, не имело бы никакого значения!

Тихомир утер лоб.

Третьяк продолжил:

– Но и это еще не все! Потом бы была «приворотная» – перед выездом за ворота – и «заворотная» – за то, что все-таки сумел выехать за ворота! Я Тихомира Богдановича знаю!

* * *

Когда мужчины подъехали к лесной дороге, Тихомир посмотрел на лесную избушку, и... телега, проехав мимо, свернула в сторону города.

* * *

Внезапно Тихомир почувствовал какую-то тревогу. Его лицо обдуло сильным порывом ветра, в рот набилось лесной паутины.

* * *

Из-за деревьев за телегой наблюдали Игнат и бородатый мужик со шрамом. В руках у них были топоры.

* * *

Невдалеке послышались выстрелы, разносящиеся по всему лесу.

Игнат рассержено сплюнул на землю.

* * *

Третьяк остановил телегу и начал смеяться:

– «Заворотная» скачет.

Тихомир театрально закатил глаза.

* * *

Через несколько минут мужчины увидели хозяина и его сына, приближающихся на вороных жеребцах.

* * *

Подскакав, хозяин сказал:

– Впопыхах забыл передать гостинцы в Москву: целебный настой «от всех болезней». И не только!

Он постучал по мешку, притороченному к седлу, из которого раздался размеренный звон бутылок.

Тихомир с благодарностью приложил руку к сердцу.

– А мы вас до города проводим. Растрястись надо, – подмигнул хозяин.

* * *

Вечером у палисадника терема нашли мертвого дворового мужика с синюшным лицом и пеной на губах.

Эпизод 2

Телеграмма

1–2 апреля 1862 года, Москва

Шел десятый месяц с тех пор, как Тихомир вернулся из Костянок.

* * *

Он был предоставлен сам себе, и жизнь его шла своим беспутным чередом.

* * *

Отец стал постоянно пропадать в Туле на заводах.

* * *

Маменька укатила на курорты в германский Висбаден, чтобы подлечиться на горячих термальных источниках. Но и отец, и Тихомир понимали, что на самом деле она пропадает в казино – уж слишком много денег эти «курорты» тянули. А перед самой поездкой она проговорила, что на курорте будет Достоевский, про чью страсть к рулетке знали все.

* * *

Тихомир нежился в постели после очередного ночного загула.
Его потревожил осторожный, но настойчивый стук в дверь – это лакей принес бессвязную телеграмму: «Срочно приезжай. Беда. У тебя родился сын. Третьяк».
Тихомир отмахнулся от лакея, скомкал телеграмму, бросил ее на пол и заснул.

* * *

Он проснулся уже далеко за полдень.
Опустив ноги с кровати, Тихомир так и сидел, смутно припоминая события...
Его внимание привлек смятый лист бумаги на полу, он вспомнил про телеграмму и нехотя поднялся.
Прочитав ее еще раз, он понял, что действительно что-то случилось, но мысли его путались, перепрыгивая друг через друга:
– Третьяк не стал бы обращаться по пустякам... Я отнес фотопластины, чтобы изготовили фотографии для Тихомира Богдановича, но забыл их забрать – а обещал же!.. Но о каком сыне идет речь?.. Неужели Забава?.. Почему не было фотопластины со снимком Забавы?..

* * *

Тихомира стали мучать сомнения: ехать или не ехать? Зачем менять образ жизни, когда он наследник миллионов?

Тихомир встал, с трудом попадая в рукава, надел халат, подошел к секретеру и, оглянувшись, достал из тайника бутылку шампанского Dorn Perignon.

– Modt & Chandon, – сказал Тихомир, поглаживая этикетку бутылки.

Dorn Perignon «разогрел» его голову.

Он почувствовал себя героем и решил ехать и разобраться на месте:

– Еду! Вечерним поездом!

* * *

Тихомир протрезвел уже на вокзале Воронежа.

* * *

Выйдя из вагона, он попал в очаг семейной баталии. Семья привлекала общее внимание... Отец орал на мать, мать успевала орать и на отца, и на старшую дочь, которая стояла, закатив глаза. Средние девочка и мальчик бегали вокруг них кругами и вопили какие-то детские считалки. С головы девочки слетела соломенная шляпка, которая тут же была «отфутболена» на рельсы еще одним, самым младшим братом, который тут же получил подзатыльник. После чего он завалился на спину и отчаянно во все горло завизжал, колотя руками и ногами по перрону. Мать подняла его – белого цвета костюмчик под «морскую форму» был уже не белый...

* * *

Мысли о семейной жизни пронесли в голове Тихомира:

– О нет! Только недавно маменька уговорила отца «на время оставить мальчика в покое – пусть нагуляется, пока молодой», как тут такая новость!

И он пошел к кассам за обратным билетом.

* * *

У билетных касс Тихомир встретил урядника, который, «окая», сказал:

– Здравствуйте, Тихомир Андреевич! Вы должны меня помнить. В конце июня прошлого года мы были попутчиками из Москвы до Воронежа. Я здешний урядник – Олег Ярославович.

Тихомир начал припоминать:

– Да, да.

Олег Ярославович без лишних слов взял Тихомира под локоть:

– Я ожидал, что вы приедете. Пролетка приготовлена – можно ехать.

Тихомир хотел воспротивиться, но урядник с силой сжал его локоть:

– Тихомир Андреевич, поверьте: это очень важно!

9 серия

Эпизод 1

Первый

30–31 марта 1862 года, Костянки

Ночью неистовствовала сильная гроза.

* * *

В избушке Знахарки рожала Забава. Роды длились с самого утра, после расслабляющего затишья резко случалась сильная схватка или потуга.

Знахарка не отходила от постели ни на шаг, утирая пот со лба Забавы тряпицей с холодной ключевой водой и приговаривая:

– Потерпи и успокойся. Роды – естественный процесс, в котором помощь – во благо, а вот вмешательство может оказаться во вред.

Наконец избушку сотряс крик младенца – это был мальчик.

* * *

Забава, слабо улыбаясь, протянула к нему руки. Знахарка передала, и Забава тут же обняла и прижала к себе сына. Малыш самостоятельно нашел и с жадностью приложился к материнской груди.

* * *

Забава попросила попить, но заснула раньше, чем Знахарка налила укрепляющий отвар из крапивы, тысячелистника и пастушьей сумки.

* * *

В дверь избушки громко и часто постучали.

– Матушка, пусти скорее, – послышался голос Третьяка из сеней.

Как только Знахарка сбросила дверной крючок, в избу ворвался Третьяк, который тянул за собой рыжеволосую женщину.

– У нее отошли воды, а схватки и не думают начинаться, – выдохнул он и удивленно уставился на постель, где лежала Забава с новорожденным у груди. – Вот тебе Раз!

Знахарка показала на табурет:

– Усади ее сюда.

* * *

Знахарка быстро укутала в чистую простынку совершенно спокойного и сытого младенца. На его шее красовалось точно такое же необычное родимое пятно, как и у Забавы.

* * *

– Укладывай, – Знахарка показала Третьяку на постель.
Третьяк уложил рыжеволосую.

* * *

– Иди в баньку. Нельзя ему тут! – Знахарка передала Третьяку новорожденного.
Тот осторожно принял чадо и вышел за дверь.

* * *

Молния осветила мокрое лицо Пелагеи со слипшимися от дождя непокрытыми черными волосами, которая как замороженная шла в сторону избышки. Ее губы что-то шептали...

* * *

Когда Третьяк вышел, Знахарка принялась за помощь.
Она начала осматривать женщину и увидела выпавшую пуповину.
«Значит, начала отслаиваться плацента, – подумала Знахарка, – скорее всего, умрет от потери крови, надо спасать дитя, пока не задохнулось!»
Знахарка подошла к столу и откинула тряпицу, под которой лежали заранее приготовленные острый узкий нож и кривая длинная игла с нанизанной ниткой...

* * *

Знахарка достала младенца – это тоже был мальчик. Мальчик был посиневший и не дышал. Знахарка звонко хлопнула его по попке, и избышку второй раз за ночь потряс детский крик. Она приложила младенца к груди спящей Забавы, и тот начал причмокивать.

* * *

Знахарка обернулась к роженице и взялась за иглу – рыжеволосая еще дышала, но очень слабо.

* * *

Знахарка быстрым шагом вышла за Третьяком в баньку. Он сидел с младенцем на руках и по-доброму смотрел, как тот спокойно, улыбаясь, посапывал.

* * *

Знахарка усталым голосом попросила:
– Вынеси ее – она умирает.
Третьяк хотел спросить, кто из женщин умирает, но промолчал и, трепетно передав Знахарке младенца, пошел в избу.

* * *

В избе уже почти догорали свечи. Третьяк увидел спящую Забаву с ребенком на груди, и у него отлегло от сердца. Он поднял уже бездыханное, все в крови, тело рыжей женщины и понес в баньку.

* * *

Знахарка вышла во дворик и, закрыв глаза, подставила лицо дождю, подняв руки вверх. Гроза начала утихать, но луна еще была скрыта за тучами, и было темнее темного.

* * *

Мимо Знахарки прокрался черный силуэт.

* * *

Войдя в избушку, Пелагея оказалась в кромешной темноте. Свечи окончательно догорели. Пелагея на ощупь, как будто знала здесь все, достала из небольшого шкафчика три самых толстых и высоких свечи, чиркнула спичкой.

* * *

Она склонилась над Забавой и отняла от нее новорожденного, который недовольно закричал.

* * *

Пелагея расставила свечи у изголовья постели и, не обращая никакого внимания на крики новорожденного, стала читать заклинание. В руке у нее появился странный кривой нож. И, заканчивая заклинание, Пелагея трижды пронзила неподвижное тело Забавы.

* * *

Знахарка услышала крик новорожденного, ее глаза широко открылись, и она, почувствовав опасность, бросилась в избушку.

* * *

В избушке она увидела, как Пелагея занесла нож над освещаемым тремя свечами младенцем.

Знахарка бросилась на Пелагею, но та скользящим ударом ножа ранила ее в руку. Преодолевая боль, безоружная Знахарка вновь стала надвигаться на Пелагею. Та, рассвирепев, ударила ее ногой в грудь, и Знахарка упала на спину.

* * *

Пелагея развернулась и подошла к новорожденному.

Вновь занеся над ним нож, прокричала Знахарке:

– Говори, где Матрешка?

Младенец стал кричать еще громче.

Знахарка ползла к постели:

– Я не знаю.

Пелагея схватила младенца за ножки и подняла на вытянутой руке.

* * *

От резких движений одна из свечей упала и покатилась в угол избы за спиной Пелагеи.

* * *

– Он сейчас умрет! Говори! – кричала Пелагея.

Знахарка замерла.

– Матрешки здесь нет и никогда не было. Пощади дитя! – с трудом выговорила Знахарка.

– Я нашла твой тайник, но там были только книги. Где другой тайник? – Пелагея сильно потряхнула младенца.

* * *

Знахарка краем глаза увидела, что от свечи загорелись пожитки.

* * *

Пелагея проследила за взглядом Знахарки и увидела начинающийся пожар.

Она ударила Знахарку ногой в голову.

– Ты мне все расскажешь, но сейчас... – злобно сказала Пелагея и бросила кричащего младенца на стол.

Знахарка потеряла сознание.

* * *

Пелагея поставила на стол рядом с младенцем две свечи с постели и пошла поднимать с пола третью, как дверь в избушку распахнулась, и появился Третьяк.

* * *

Прежде чем он что-то понял, Пелагея в мгновение ока оказалась рядом с ним и с разворота ударила его ногой в грудь. Третьяк отлетел назад к двери, но быстро вскочил на ноги.

* * *

Огонь разгорался все больше, уже занялись занавески на небольших оконцах.

* * *

Третьяк сгруппировался и всей своей массой хотел навалиться на Пелагею, но та с легкостью увернулась и оказалась за его спиной. И пока Третьяк разворачивался, ударила его ребром ладони по шее. Третьяк рухнул не пол как подкошенный.

* * *

Огнем занималась уже добрая половина избы.

* * *

Как сквозь пелену, Третьяк видел, как Пелагея совершенно спокойно подошла к горящему шкафчику, достала из него свечу, об него же и зажгла ее. Подошла к столу с новорожденным, который странным образом замолчал, поставила третью свечу и взяла в руки нож.

* * *

Третьяк силился подняться, но тело не слушалось его.

* * *

Он мог только смотреть, как Пелагея говорила какие-то слова на каком-то зверином языке, а затем три раза ударила ножом в грудь младенца.

* * *

От увиденного Третьяк встрепенулся и через силу поднялся на ноги. Дым застилал всю избушку, и уже становилось трудно дышать.

* * *

Третьяк нащупал рукой табуретку и с силой обрушил ее на голову Пелагеи, та упала на пол и казалась бездвижной.

От удара Третьяк тоже не удержался на ногах и упал. Ползком он добрался до Знахарки. Нашупав пульс на шее, он начал вытаскивать ее во двор.

* * *

Во дворе Знахарка пришла в себя и прошептала:
– Забава...

* * *

Третьяк, шатаясь, пошел в избушку. Переступив через неподвижное тело Пелагеи, он с трудом вытащил тело Забавы из дыма и огня.

* * *

Когда Третьяк вернулся за убитым младенцем – Пелагея исчезла. Он взял на руки мертвого младенца и выбежал во двор.

* * *

Огонь уже выбивался на крышу избушки.

Эпизод 2

Расправа

30–31 марта 1862 года, Костянки

Во дворе усадьбы собрались «уже не крепостные крестьяне» с факелами в руках.
Сначала тихо, а затем все громче толпа орала:
– Выходи! Мы свободные! Ты ответишь за обман!

* * *

На крыльцо дома вышел хозяин в не застегивающемся на животе гусарском доломане с револьверами в руках.

* * *

Увидев вооруженного хозяина, мужики и бабы замолкли.

* * *

Мужик со шрамом на лице, явно хорохорясь, перекинул топор из руки в руку и зашагал к крыльцу.

* * *

Хозяин прокричал ему:
– Тимоха! Стой, дурак!

* * *

Тимоха, ухмыляясь, начал подниматься по ступенькам.

* * *

Хозяин направил взведенные револьверы в воздух и разом нажал на спусковые крючки – выстрелов не было. Он нажал еще раз – осечка?

* * *

Тимоха с размаха ударил его топором по голове. Окровавленный хозяин упал, и его тело покатилося вниз по ступенькам.

* * *

– Бери что хошь! – прокричал толпе Тимоха и первый кинулся в терем.

* * *

За околицей имения стоял Игнат, держа под уздцы пару вороных с поклажей.
Крики из усадьбы доносились даже до него.
На небе показалась луна, и Игнат увидел приближающийся силуэт – это была Пелагея.
Игнат спросил:
– Что?
Пелагея покачала головой:
– Матрешка не у них.
Игнат нахмурился:
– А что они?
Пелагея, покачнувшись, ответила:
– Дело сделано. Первые мертвы.
Игнат помог ей взобраться на жеребца.

* * *

Удаляющиеся силуэты двух всадников освещались заревом от горящего имения.

10 серия

Эпизод 1

Новости

31 марта 1862 года, Костянки

Под утро, когда Знахарка делала себе перевязку с какой-то мазью, в баньку тихо, без стука вошел Третьяк.

Глядя на спящего младенца, он прошептал:

– Матушка, как ты?

Знахарка кивнула:

– Говори!

Третьяк продолжил:

– Я принес молока для младенца и... плохие вести.

Знахарка вопросительно посмотрела на него.

Третьяк глубоко вдохнул, было видно, что он сильно переживает:

– Ночью был бунт. Крестьяне убили хозяина и живьем сожгли его жену и детей в тереме.

Крестьяне мало что помнят – как будто были опоены каким-то зельем. Перед бунтом Тимоха сеял смуту по дворам. Он рассказывал, что крестьяне уже свободные люди, а барин замалчивал это, и предлагал идти к барину на разбор. Сейчас крестьяне разбегаются кто куда, потому что боятся сурового наказания властей.

Знахарка внимательно выслушала Третьяка и прошептала:

– Вон там возьми чистую тряпицу, оторви полосочку, намочи молоком и поднеси к губам младенца.

Третьяк в точности все выполнил.

Знахарка с облегчением вздохнула, когда мальчик начал посасывать молоко.

– Езжай в город в полицию. И пусть дадут телеграмму Тихо-миру. Он должен помочь. Я скоро покину этот мир – нож был отравлен.

Третьяк нахмурился.

Знахарка погладила младенца по голове:

– Дети, зачатые в Купальскую ночь, наделены волшебной силой, но этот – особенный.

* * *

Третьяк добрался до Воронежа ближе к обеду.

* * *

Он, весь взмыленный, залетел в городскую управу и сбивчиво начал объяснять дежурному полицейскому, который, не слушая его, перебил:

– Куда прешься! Сейчас обеденное время. Никого нет.

Третьяк взбесился:

– Ты не понимаешь? Дело срочное! Погибли люди!

Дежурный, раздумывая, помолчал и сказал:

– Пошли.

* * *

Они поднялись на второй этаж, дежурный робко постучал и приоткрыл дверь кабинета:
– Господин урядник. Прошу разрешения. Тут дело срочное!

* * *

В кабинете за столом сидел Олег Ярославович Воскресенский и читал какую-то книгу. Он бросил взгляд на просунувшуюся голову дежурного, аккуратно закрыл книгу и бережно уложил ее в ящик письменного стола. Обложка на французском языке указывала: Вольтер, «Философия истории».

Урядник кивнул головой, и дежурный зашел в кабинет, вытянулся по струнке и пропустил вперед Третьяка:

– Говорит, бунт в Костянках.

Глаза урядника сосредоточились:

– Рассказывай.

Третьяк, уже более связно, сообщил о трагедии.

Урядник в общих чертах понял: «в Костянках был бунт... помещика убили... усадьбу сожгли... есть еще жертвы...» – и поручил дежурному:

– Дело не терпит отлагательств! Собирай всех свободных. Поедем на дознание.

* * *

Дежурный выбежал выполнять поручение.

Третьяк помялся и попросил:

– Господин урядник. Телеграммку бы в Москву отправить...

Эпизод 2

Пепелище

2 апреля 1862 года, Костянки

Тихомир, урядник и Третьяк молча стояли на пепелище усадьбы.

Это был уже пустырь с задымленными печами и трубами. Тут и там из пепла торчали черные головни. Даже высокий фундамент из полигональной кладки виднелся только местами.

Тихомир впервые в жизни столкнулся с такой трагедией – пепелище произвело на него неизгладимое впечатление.

* * *

Третьяк, держа в руках «петушок» флюгера, тихим печальным голосом рассказал:

– Усадьбу построил в 1642 году пращур Тихомира Богдановича – сын боярский Богдан Канинский. Отсюда мужчин в роду, через одного, чтобы славу не забирали, называли Богданами. Пращур выбрал место для усадьбы на меловых холмах на крутом правом берегу Дона, потому что с холмов открывался красивейший вид на старичные озера левобережья. Была тут раньше бревенчатая крепость, но не пережила набегов да войн, а вот усадьба пережила... больше двухсот лет простояла! А тут такое...

* * *

Мужчины собрались уходить, как вдруг Тихомиру показалось, что он услышал какие-то звуки. Он прислушался: звуки шли из-под фундамента терема.

* * *

Тихомир бросился раскидывать головешки. Третьяк и урядник, сначала не понимая, что он делает, начали ему помогать. Когда они отрыли обломок вентиляционной трубы, то явно услышали плач.

Тихомир прокричал в трубу:

– Мы рядом! Ждите!

Все начали ускоряться и быстро добрались до люка винного погреба. Люк не поддавался, и Тихомир начал стучать в него изо всех сил. Раздался скрежет открываемого засова. Тихомир отбросил тяжеленный обгоревший люк, а Третьяк начал помогать уцелевшим выбраться.

* * *

Это была семья Тихомира Богдановича – жена и дети.

Эпизод 3

Тайна 3 апреля

1862 года Костянки

Тихомир сидел в баньке с умирающей Знахаркой. Рядом тихонько спал его сын.

Знахарка слабым голосом попросила:

– Забери младенца с собой. Скоро моя душа отправится к Творцу.

Тихомир тихим голосом, находясь под влиянием последних событий, сомневался:

– Но я ничего не понимаю в отцовстве. Я не смогу.

Знахарка успокоила его:

– Забава выбрала тебя не случайно, мне не дано знать почему. Значит, так надо было.

Значит, все будет хорошо.

Тихомир, вздыхая, согласился:

– Это мой сын, и он будет со мной.

Знахарка удовлетворенно кивнула, внимательно посмотрела на Тихомира и сказала:

– Раз теперь младенец будет с тобой, то я приоткрою тебе тайну. Всю тайну сразу узнавать нельзя, к ней надо идти постепенно – «век живи – век учись».

* * *

Тихомир внимательно слушал, а Знахарка говорила:

– Когда-то на Земле жили только Первые – это был род человеческий, который сотворил Творец. Творец сотворил Первых по своему замыслу. Он наделил Первых душой, дал им все нужное для жизни и удалился. Первые жили очень долгое время одни, и не было им подобных. Смысл их жизни – познание себя самих для обретения высшего знания, которое откроет им замысел Творца.

Затем возник Господь и создал Вторых. Господь не дал им душу, только разум, поэтому Вторые – это не род человеческий. Господь создал Вторых для своего промысла – они должны помешать обрести высшие знания Первым. С тех пор Вторые борются с Первыми. Вторые сильные и хитрые, они, как воины, хорошо организованы и действуют по строгому плану, поэтому Первых почти не осталось. Стремясь к мировому господству, они принесли с собой очень много бед. И самое страшное то, что они разделили единый язык на многие и переврали истинное значение слов.

Чтобы сохранить себя, Первые живут вдалеке от людей и друг от друга. Они рассеяны по всей Земле. У каждого Первого есть свой Хранитель, который оберегает его и обучает после рождения. Хранителей создали сами Первые, потому что в силу «блаженности» не могут себя защитить. Хранители научены жить в любой стране, они знают основы единого языка, знают, как его изменили, поэтому могут говорить на любом языке. Первые могут жить и тысячу лет. Поэтому и Хранителям дарована длинная жизнь. Жизни обычного смертного человека не хватило бы даже для изучения основ единого языка. Когда Хранитель «покидает» этот мир, ему на смену приходит другой.

Вторые проживают жизнь обычного смертного человека, поэтому берегут свою жизненную энергию. Чтобы уничтожить Первых, Вторые прибегают к разным способам, как это было с Забавой: используя заклинания, чтобы «усыпить» душу, и отравленное холодное оружие, чтобы убить «тело». Но при использовании заклинаний Вторые тратят очень много своей жизненной энергии, поэтому предпочитают обманывать смертных людей и убивать их руками – попросту сжигать, как это было с мамой Забавы.

Хранителю и Забаве чудом удалось сбежать от расправы. Они пережили множество лишений, пока их не привели сюда. Вскоре Хранитель покинул этот мир.

Земля эта – Костянки – имеет что-то притягивающее, я тут ждала своего часа быть Хранителем очень долгие годы и так и не поняла, что в этой земле особенного.

– Я не понимаю своего отношения к этой тайне? – спросил Тихомир.

Знахарка через силу улыбнулась:

– Твой сын является потомком Первых людей! Через какое-то время ему встретится новый Хранитель. Младенец узнает его. До этого времени ты – хранитель Первого и должен быть очень внимательным – чувствовать душой. Тебе будет помогать Творец, но ты должен следить за его знаками.

Тихомир только сейчас понял всю ответственность, которая свалилась на него тяжелой ношей.

«Теперь вся моя жизнь изменится коренным образом», – подумал он.

Знахарка молча смотрела на него.

Тихомир размышлял над всем произошедшим и вдруг спросил:

– Первые живут по тысяче лет, как и библейские персонажи?

Знахарка кивнула:

– Сравни первую и вторую главы Ветхого Завета, и ты все начнешь понимать.

Тихомир напряженно смотрел на нее.

– И начинай изучать древнерусский язык – он научит и поможет тебе. Он последний образ общего языка – языка Творца.

– А кто их привел к тебе? – спросил Тихомир.

* * *

Тут в баньку зашел Третьяк, и вопрос Тихомира остался без ответа.

– Матушка, я все сделал, как ты велела. Всех похоронил, где ты сказала, и сровнял могилы, чтобы не было видно, – скорбно сказал Третьяк.

Знахарка спросила:

– Ты сделал могилу для меня?

Третьяк кивнул, и крупные слезы накатили на его глаза.

– Тогда и мне пора, – попросту сказала Знахарка...

* * *

Тихомир и Третьяк стояли на небольшой лесной полянке возле древнего дуба.

У корней дуба были едва видны контуры скрытых четырех могил.

* * *

Возле обгоревших развалин избушки Знахарки на лесной дороге в русле старого ручья стояла телега. Третьяк подал сына Тихомиру, сидящему в ней.

Рядом ждали урядник и полицейские верхом.

* * *

Старицу неизвестно откуда начала заполнять вода.

Полицейские стали креститься.

Место медленно затапливалось водой.

Урядник что-то сам себе под нос пробормотал, а вслух сказал:

– Мы поймали зачинщика – Тимоху. Он все рассказал.

Эпизод 4
Тимоха
29 марта 1862 года Костянки

За несколько дней до трагедии за околицей Костянок разговаривали двое.

Один, Игнат, говорил второму – со шрамом на лице:

– Тимоха! Крестьяне давно свободные. Нет крепостничества. Все получили свои наделы земли. Малую часть урожая отдают барину.

Тимоха почесал затылок:

– А барин что?

Игнат продолжил:

– Барин правду не говорит. Все добро только себе загребает! Надо бунт поднять!

Тимоха помотал головой:

– Нет. Народ тихий, не пойдет.

Игнат понизил голос:

– Слушай. Я знаю, где барин деньги прячет. Заберем. Разделим поровну. Другая жизнь будет.

Глаза Тимохи загорелись:

– А сколько там?

– Две тыщи. Червонцами, – уведомил Игнат.

Тимоха забеспокоился:

– А «левольверы»?

– За это не беспокойся. Это моя забота. Они стрелять не будут, – успокоил Игнат.

Тимоха засомневался.

Игнат протянул руку:

– После всего я заберу тебя с собой для лучшей богатой жизни. По рукам?

Они ударили по рукам.

Игнат протянул Тимохе склянку:

– Отвар для храбрости. В воду добавишь. Только по капле на человека! Сам не пей!

11 серия

Эпизод 1

Библия 4 апреля 1862 года Москва

Ночью в двухместном купе железнодорожного вагона сидел, погруженный в свои мысли, Тихомир с младенцем на руках.

Напротив сидел молодой поп.

* * *

Дверь в купе открылась, и вошел довольный Третьяк, который где-то на станции раздобыл молока.

Тихомир передал Третьяку сына, и тот, по знахаркиному методу, стал его кормить.

Поп с интересом наблюдал за картиной и хотел было что-то сказать, как Тихомир, словно о чем-то вспомнив, спросил:

– Батюшка, а есть ли с собой Библия?

– Всегда со мной, сын мой, – удивленно ответил поп и извлек из саквояжа Библию.

* * *

Тихомир начал что-то искать в Ветхом Завете, перелистывая страницы вперед-назад. Затем стал цитировать попу:

«Первая книга Моисеева. БЫТИЕ

Глава 1

1. В начале **сотворил Бог небо и землю.**

2. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою.

3. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет.

4. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы.

5. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: **день один.**

6. И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды. [И стало так.]

7. И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так.

8. И назвал Бог твердь небом. [И увидел Бог, что это хорошо.] И был вечер, и было утро: день второй.

9. И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так. [И собралась вода под небом в свои места, и явилась суша.]

10. И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что это хорошо.

11. И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя [по роду и по подобию ее, и] дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так.

12. И произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду [и по подобию] ее, и дерево [плодовитое], приносящее плод, в котором семя его по роду его [на земле]. И увидел Бог, что это хорошо.

13. И был вечер, и было утро: день третий.

14. И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной [для освещения земли и] для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов;

15. и да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю. И стало так.

16. И создал Бог два светила великие: светило большее, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью, и звезды;

17. и поставил их Бог на тверди небесной, чтобы светить на землю,

18. и управлять днем и ночью, и отделять свет от тьмы. И увидел Бог, что это хорошо.

19. И был вечер, и было утро: день четвёртый.

20. И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной. [И стало так.]

21. И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее. И увидел Бог, что это хорошо.

22. И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле.

23. И был вечер, и было утро: день пятый.

24. И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так.

25. И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их. И увидел Бог, что это хорошо.

26. И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, [и над зверями,] и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле.

27. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их.

28. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими [и над зверями,] и над птицами небесными, [и над всяким скотом, и над всею землею,] и над всяким животным, пресмыкающимся по земле.

29. И сказал Бог: вот, Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя; – вам сие будет в пищу;

30. а всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому [гаду,] пресмыкающемуся по земле, в котором душа живая, дал Я всю зелень травную в пищу. И стало так.

31. И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма. И был вечер, и было утро: **день шестой.**

Глава 2

1. Так совершенны небо и земля и все воинство их.

2. И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмый от всех дел Своих, которые делал.

3. И благословил Бог седьмой день, и освятил его, ибо в оный почил от всех дел Своих, которые Бог творил и созидал.

4. Вот происхождение неба и земли, при сотворении их, в то время, **когда Господь Бог создал землю и небо,**

5. и всякий полевой кустарник, которого еще не было на земле, и всякую полевую траву, которая еще не росла, ибо Господь Бог не посылал дождя на землю, и не было человека для возделывания земли,

6. но пар поднимался с земли и орошал все лице земли.

7. И **создал Господь Бог человека из праха земного**, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою.

8. И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке, и поместил там человека, которого создал.

9. И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла.

10. Из Едема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки.

11. Имя одной Фисон: она обтекает всю землю Хавила, ту, где золото;

12. и золото той земли хорошее; там в долах и камень оникс.

13. Имя второй реки Тихон [Геон]: она обтекает всю землю Куш.

14. Имя третьей реки Хиддекель [Тигр]: она протекает пред Ассириею. Четвертая река Евфрат.

15. И взял Господь Бог человека, [которого создал,] и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его.

16. И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть,

17. а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь.

18. И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему.

19. Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел [их] к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей.

20. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым; но для человека не нашлось помощника, подобного ему.

21. И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребр его, и закрыл то место плотию.

22. И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку.

23. И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа [своего].

24. Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут [два] одна плоть.

25. И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились».

* * *

Закончив читать, Тихомир вопросительно посмотрел на попа.

Поп, кивая, подтвердил:

– Все так, сын мой, все так.

Тихомир очень эмоционально, почти прокричал попу:

– В чем разница между Богом и Господом Богом? Что Бог после завершения всех дел на седьмой день делал – отдыхал?

Поп удивленно молчал, а Тихомир продолжал:

– Почему на первый день Бог сотворил небо и землю, а после седьмого дня Господь Бог создал, наоборот, землю и небо? Почему Бог «сотворил», а Господь Бог «создал»?

* * *

Поп растерялся и, недослушав вопросы Тихомира, выбежал из купе, крупно крестясь.

* * *

Тихомир закричал вслед попу:

– Почему на шестой день сотворил Бог человека – мужчину и женщину «по образу Своему», а после седьмого дня Господь Бог создал человека «из праха земного» и только одного мужчину?

Эпизод 2

Дело не сделано

5 апреля 1862 года Москва

В съемной квартире на окраине Москвы за столом сидел Игнат.

На столе лежали денежные банкноты, золотые монеты, драгоценности, странный кривой нож и фотопластина с номером «4» и надписью «Забава».

– Я хорошо сработал. Для нашего дела надо много денег. Но и ты свое дело сделала, – куда-то в сторону проговорил Игнат и взял в руки нож. – Хоть яд сильный, но быстро выходит – убери.

Он протянул нож Пелагее, которая лежала на одной из кроватей. Обессиленная Пелагея ответила:

– Позже уберу.

Вдруг Игнат учуял какой-то посторонний звук, затаил дыхание, бесшумно поднял из-под стола топор и знаком показал Пелагее: «Тишина!»

В дверь раздался условный стук. Игнат выдохнул и открыл дверь.

* * *

В комнату зашел Гор.

* * *

Игнат закрыл дверь на засов и склонил голову в поклоне. Пелагея вскочила с кровати и также поклонилась Гору.

Игнат произнес:

– Дело сделано. Но Матрешка не у них.

* * *

Вместо ответа Гор наотмашь ударил Игната по голове. Затем схватил за шею и мощным движением распластал его на столе. Показательно медленно, перед прижатым к столу лицом Игната, он взял в руку нож и провел лезвием по столешнице. Глаза Игната расширились. Гор резким движением с короткого размаха рубанул. Кровь Игната залила стол и все, что на нем находилось.

* * *

Игнат, стиснув зубы, зажал левую руку правой и, качаясь от боли, отошел к стене. На столе остался лежать его мизинец.

* * *

Пелагея хотела помочь Игнату и сделала шаг в его сторону, но Гор знаком остановил ее. Он бросил нож обратно на стол, взял фотопластину, рассмотрел ее, вытер кровь с надписи «Забава» и положил в накладной карман плаща.

В комнате была полная тишина. Игнат и Пелагея смотрели на Гора.
– Дело не сделано! – резко сказал он. – Ждите здесь.

* * *

Когда Гор вышел, Игнат сел на стул.

Пелагея оторвала узкую и широкую полоски от простыни и подошла к нему. Окинув комнату глазами, она не нашла ничего подходящего, поэтому достала из потайного кармана «шило». Ловко, одними пальцами, сделав петлю из тонкой полоски, она перекинула ее чуть выше локтя левой руки Игната, вставила «шило» и быстрыми движениями закрутила жгут. Из толстой полоски она соорудила перевязь на палец, надежно зафиксировав ее на запястье.

Игнат благодарно кивнул.

– Ты видела когда-нибудь Гора без перчаток? – спросил он у Пелагеи.

Пелагея отрицательно помотала головой.

Игнат объяснил:

– Когда я приехал в Москву почти двадцать лет назад, то в этой же комнате познакомился с Гором. В нем есть сила, способная подчинять себе, – он из высшей касты! Гор сразу же произвел на меня сильное впечатление. Из Лондона я привез ему письмо Магистра. Когда Гор прочитал его, то совершенно спокойно достал нож, положил свою левую руку на этот же стол и отрезал себе мизинец. При этом ни один мускул на его лице не дрогнул.

* * *

Пелагея молча пожала плечами, взяла со стола окровавленный нож и стала его обмывать и чистить:

– Надо доделать дело!

Эпизод 3

«Хранитель»

5 апреля 1862 года Москва

Лакей чинно открыл дверь в московский особняк отца Тихомира, и Третьяк спешно завел в холл молодую женщину.

* * *

Простая горожанка, видимо, была из сильно набожных, потому что сразу же начала креститься и шептать молитву, пораженная великолепием холла. Это повторялось каждый раз, когда ее проводили по анфиладе комнат: диванной, буфетной, музыкальной с роялем, мимо кабинета, библиотеки со множеством книг, бильярдной, будуаров и гардеробных. Горожанка смотрела на картины, развешанные по стенам. Диковинные яркие цветы она пыталась потрогать и понюхать.

Третьяк торопил ее:

– Пойдем, пойдем быстрее.

* * *

Он провел ее в дальнюю небольшую комнатку, где на кровати сидел Тихомир с младенцем. Младенец выглядел болезненно спокойным.

Тихомир с облегчением сказал:

– Спасибо, что ты согласилась. Пожалуйста, покорми его.

Кормилица бережно приняла у Тихомира младенца, улыбнулась ему и стала покачивать, что-то приговаривая.

* * *

Третьяк тихонечко вывел Тихомира из комнаты:

– Оставим их.

Они прошли в диванную комнату и расслаблено уселись.

– Я тебе скажу, что не так просто найти кормилицу! Москва большая, а приличного народу не много! – сказал Третьяк.

* * *

Тихомиру не сиделось, и он направился к комнатке. За ним последовал Третьяк.

* * *

Дверь комнатки тихонечко приоткрылась, и выглянула кормилица, приглашая войти.

Тихомир спросил:

– Ты согласна быть кормилицей? Об оплате не беспокойся.

Горожанка кивнула. Затем немного помолчала и сказала:

– Я согласна и без оплаты. Мальчик ваш – «блаженный от рождения»! Но этого не стоит бояться, и надо понимать, что юродивые и блаженные – это люди, уже достигшие святости. Они получили дары от Духа Святого. Преподобный Серафим Саровский говорил, что юродивых, отказавшихся от своего разума, много. Из тысячи же юродивых только один бывает Христа ради юродивый. В душе такого человека непрестанная молитва, он может совершать подвиги особой духовной силы, обладает даром прозрения, а ведет себя подобно человеку неразумному, потерявшему рассудок. Но это внешне он неразумен, на самом деле Бог дарует ему высшее знание. Потому часто юродивые пред людьми ничто, а пред Богом велики. Блаженный человек тоже достигает святости, но необязательно его поведение странно. Просто он тихий, улыбочивый, с легкостью переносит любое оскорбление, потому что в душе у него блаженное состояние.

Мужчины опешили от такого складного монолога.

Третьяк вспомнил: «Как и Забава».

* * *

Кормилица передала малыша Тихомиру и сказала:

– Я приду вечером.

* * *

Третьяк проводил ее и на входе пытался передать ей несколько монет, но та отвела его руку:

– С ним Бог!

* * *

Вечером Тихомир стал заметно нервничать: кормилицы все не было, и он стал волноваться за сына.

Даже лакей и старая кухарка заметили разительные изменения и втайне перешептывались: Тихомир был уже совсем другой человек.

* * *

Третьяк уже несколько раз выходил из дома и прохаживался по Ордынке.

* * *

В очередной раз вернувшись, он сказал Тихомиру:

– Побегу. Надо искать другую кормилицу.

* * *

Уже через час Третьяк привел молчаливую женщину, которая вела себя очень странно – отводила взгляд и «засыпала на ходу».

Подругой кормилицы не было и времени тоже не было!

* * *

Тихомир отвел новую кормилицу в комнатку к сыну и сказал Третьяку:

– Какая-то она странная. Ты бы после поискал кого другого.

Третьяк молча развел руки в стороны.

* * *

Они прошли в диванную и уселись.

С дивана странным образом упала подушка.

Тихомир удивился, поднял ее и положил рядом.

* * *

Тут кто-то сильно стал колотить в дверь. Мужчины удивленно переглянулись.

Лакея поблизости не было, и Третьяк поднялся открывать.

* * *

Не успел он ее толком открыть, как в холл ворвался урядник, который прокричал:

– Живо! Где эта женщина?

Третьяк указал ему рукой в сторону коридора.

Урядник ринулся в указанном направлении, а за ним побежали Третьяк с Тихомиром.

* * *

Распахнув дверь комнатки, они увидели кормилицу, которая подушкой душила младенца.

Урядник рывком отбросил женщину в сторону. Она отлетела и упала на пол. На ее губах появилась белая пена, и она начала биться в конвульсиях.

Урядник бросился проверять малыша.

А Тихомир и Третьяк смотрели то на умирающую, то на младенца, который дышал, ухватив ручонкой урядника за палец.

– Успел, – только и смог сказать урядник, как уселся прямо на пол у кровати. – Я – Хранитель!

* * *

Все втроем мужчины пили горячий чай в буфетной и ждали приезда полиции.

Олег Ярославович, не спеша, но коротко и по существу рассказывал, только «оканье» его пропало:

– Летом прошлого года, когда я «служил» в московском городском полицейском управлении, то стал случайным свидетелем одного интересного разговора. Короче говоря – подслушал. Один из моих сослуживцев торговался с каким-то человеком, который обещал ему золото за информацию о девочке или девушке с необычными пепельными волосами. Теперь я догадался, что это был Игнат.

Прислушавшись к остальному разговору, я понял, про кого Игнат толкует, потому что и сам ее искал больше двадцати лет. Для этого и «оформился» полицейским – больше информации.

Потом узнал, что сослуживец напросился урядником в Воронежский уезд. Мне сразу стало понятно, что Первую нашли. А услышав об убийстве урядника-сослуживца, я поспешил на помощь – перевелся на его место, чтобы быть ближе.

* * *

В буфет поскреблись, и зашла кухарка, которая сообщила:

– Я малютку покормила. Где это вы такое узнали, чтобы коровьим молоком через платочек младенца кормить? Но надо бы кормилицу найти!

* * *

Олег Ярославович продолжил:

– Я выехал в Москву вслед за вами, как только устроил семью помещика Канинского в больницу.

Третьяк встал и перекрестился.

А Тихомир вдруг твердым серьезным голосом сказал:

– Олег Ярославович! Организуйте их переезд сюда. Пусть здесь живут.

Хранитель улыбнулся и удовлетворенно кивнул:

– Ну, так вот. Когда я приехал в Москву, то сразу же начал следить за этим особняком. Очень быстро я обнаружил, что и Игнат следит за тем, что у вас происходит. Так Игнат следил за вами, а я – за Игнатом.

Я увидел Третьяка, который проводил из особняка женщину и пытался ей вручить, как я понимаю, деньги. Судя по формам, женщина была кормилицей, и вы наняли ее для младенца. В тот момент я потерял Игната из виду. Тогда я решил проследить за кормилицей. Со временем я понял, что за кормилицей следует монашка. В одном из пустынных переулков монашка догнала кормилицу и убила ее, проколов горло, судя по смертельной ране, чем-то тонким и острым.

Я уже ничем не мог помочь кормилице и боялся упустить монашку, поэтому стал следить дальше. Монашка немного «поплутала» по городу, но не смогла от меня скрыться. Так я узнал, где убежище Вторых. Я инкогнито сообщил в полицию их адрес как «революционных террористов». Я специально обратился в III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, которое выполняет функции политической полиции, потому что считал, что, в отличие от местной полиции Министерства внутренних дел, там меньше бюрократии и мздоимства. И ошибся в этом! Люди в штатском приехали по адресу очень быстро, но так же быстро и уехали, никого не задержав. Отсюда я сделал вывод, что у Вторых есть сильные покровители.

Тут вмешался Третьяк:

– Ничего не понимаю! Кто такие Первые? Кто такие Вторые? И что вообще происходит?

Тихомир цыкнул на него:

– Молчи. Не все сразу!

Хранитель продолжил рассказ дальше:

– Оставаться и следить за домом Вторых было бессмысленно, потому что они сейчас же сменят жилище. А один за двумя я не услежу. Поэтому я снова стал наблюдать за этим особняком, понимая, что в ближайшее время понадобится новая кормилица. Я видел, как Третьяк выбежал из дома. Дальше все можно было легко просчитать, и мне оставалось только ждать. Все вышло так, как я и предполагал: Вторые опоили какую-то женщину и подсунили ее Третьяку как кормилицу. И та, находясь в прострации, пыталась убить Первого. Главное для меня

было – это успеть ей помешать! Но тем самым я выдал себя. Теперь Вторые знают, что у вас есть помощник. Поэтому в ближайшее время нам надо уезжать из города. Всем грозит смертельная опасность!

Тихомир предложил:

– Давайте обратимся к властям!

Хранитель развел руками:

– Власти не помогут. Как я понимаю, многие связаны со Вторыми или ими подкуплены, и единственный выход – это бежать.

– Куда бежать? – спросил Тихомир.

– Я знаю куда, но сообщу об этом только на вокзале.

* * *

Тут из холла раздались громкие голоса, и мужчины поняли, что прибыла полиция.

Тихомир встал, чтобы идти в холл, но Хранитель остановил его:

– Тихомир Андреевич, не стоит. Я решу вопрос сам.

* * *

Хранитель вышел к полиции. Полицейских было трое, но с ними был еще один человек в штатской черной одежде.

Хранитель без труда узнал в штатском того «рослого черного мужчину», за которым проследил на вокзале Ростова-на-Дону девятнадцать лет назад.

* * *

Гор же внимательно рассматривал рисунок мраморного пола с белым крестом в центре «циферблата со знаками».

Услышав шаги Хранителя, Гор посмотрел в его сторону.

Их глаза встретились, и они поняли друг друга без слов.

* * *

Один из полицейских задал вопрос:

– Что тут произошло?

Хранитель переключился на полицию и профессионально объяснил, что женщина, которую планировали нанять кухаркой, оказалась больной и во время собеседования внезапно умерла.

* * *

Дознание было быстро завершено.

Труп увезли.

* * *

При выходе из дома Гор обернулся на Хранителя и одними губами беззвучно произнес на латыни:

– Domine dirige nos.

– Господи, направляй нас, – прошептал Хранитель по-русски.

* * *

– Теперь убегать надо очень быстро. Я пойду, раздобуду билеты на поезд. А Третьяк пусть займется молоком для Первого и одеждой попроще для нас, – сказал Хранитель.

– А я? – спросил Тихомир.

– А вы, Тихомир Андреевич, охраняйте Первого, – ответил Хранитель и спросил: – В доме есть оружие?

Тихомир подтвердил:

– Отцовский револьвер.

Хранитель кивнул, а затем спросил:

– Тихомир Андреевич, скажите мне, этот дом всегда был вашим фамильным?

Тихомир гордо ответил:

– Я знаю, что особняк многократно перестраивался, но на этом месте наша семья жила еще тогда, когда и самой Москвы не было, а был город Кучков.

Хранитель стал абсолютно серьезным и очень убедительно сказал:

– Несмотря на то, что нам надо спешить, вам, Тихомир Андреевич, обязательно необходимо отдать память предкам!

Тихомир, который был на кладбище всего несколько раз в жизни, удивился, но согласно развел руками:

– Хорошо.

* * *

Когда Хранитель уже собрался уходить в город, Тихомир догнал его и напомнил:

– Олег Ярославович! А семья Тихомира Богдановича?

Хранитель просто ответил:

– Я предполагал, что вы задумаете им помочь, и еще перед отъездом все устроил: их переправят сюда. Но в этот раз мы с ними не встретимся.

Тихомир удивленно остался стоять в холле.

* * *

Выходя из особняка, Хранитель немного задержался в холле и, окинув взглядом пол с «циферблатом и знаками», пробормотал себе под нос нечто странное:

– Да-а! Ясна! Ордынка! Нулевой меридиан!

12 серия

Эпизод 1

Память предков

5–6 апреля 1862 года Москва

– А на какой стороне реки погост? – спросил Хранитель.

– Так в излучине Москвы-реки, в Хамовниках, – по-простецки ответил Тихомир, – под Новодевичьим монастырем.

– Погост за Воробьевыми горами, которые есть Седьмой холм Москвы, – задумчиво сказал Хранитель, обратив внимание на величественное расположение, – возле Новодевичьего монастыря, посвященного Пресвятой Богородице Путеводи-тельнице. Образ которой, по преданию, написал евангелист Лука, Семидесятый сподвижник апостола Павла, который слыл «апостолом язычников» и не входил в число «Двенадцати»!

* * *

Казалось, что в голове Хранителя что-то «созревает», и он было хотел что-то уточнить у Тихомира, как вбежал довольновзволнованный Третьяк.

– Кое-какую одежку нашел, – гордо заявил он.

* * *

На съезде с вечно кособокого деревянного Крымского моста дрожки, запряженные приметной пегой хромой кобылой, были остановлены городовым, который, не таясь, сказал вознице:

– Ну-сь?

Извозчик замешкался, но полез доставать кровные.

Когда немного отъехали, извозчик проворчал:

– Кажинный день на ентого городского Соболева расход. Вот статуй еще небесный! И зачем я эту крытую «линейку» на душу взял.

Хранитель ответил:

– Езжай, братец, тебе воздастся... Заплачу как за «лихача».

Извозчик, набивая цену, начал плакаться:

– Что станешь делать, рупь фараон лекспроприировал. А заработок какой? На три-шесть гривен в день с конем не управишься. Овес, сено... В трактире калачик съешь и колбаски возьмешь, чай – на одново, половому – пятак, на дворе за коня – пятак, фатера, еще трактир, когда смерзнешь... Куда тут!.. Работник теперь три с полтиной хозяину везет. А если раньше подковать новой подковой на станке стоило семнадцать копеек за копыто, так сейчас по двадцать восемь берут!

* * *

На подъезде Хранитель спросил:

– Сколько захочешь?

Извозчик скривился, словно кислого в рот взял, и, закатив глаза, собрался было говорить, как Хранитель, приподняв от его груди номерной знак, отсек:

- «Уксус»! Дело государственной важности! Коль скажу – повезешь даром! Жди здесь.
- «Ванька» опешил, но супротив не стал перечить:
- Знамо дело! А кто они такие по ночам по кладбищам шастать?!

* * *

У белесой стены Новодевичьего монастыря стояли Тихомир и Хранитель.

Вход склепа был закрыт прочными корабельными цепями, на которых покоился старинный навесной замок на два ключа, да еще и с секретом.

– Внутрь не попасть. Нужен папенька, – сказал Тихомир.

– А внутрь и не стоит, – очень задумчиво сказал Хранитель, осматривая наружные очертания склепа, покрытые замысловатой росписью.

Через мох и плесень на портале проступали ажурные буквы, когда-то созданные древним умельцем на старорусском языке. Хранитель, читая слова, тихо и очень мягко проговорил в конце:

– Гхангхбеарринг.

Тихомир не понял сказанного:

– Олег Ярославович! Что вы сказали?

Хранитель улыбнулся и, пригладив усы, ответил:

– Не все сразу, дорогой мой боярин Тихомир Андреевич Медведь. Не все сразу.

* * *

Хранитель как-то по-особенному произнес «Медведь», что Тихомиру показалось, как будто он слышит свою родовую фамилию впервые.

* * *

Возвращаясь назад к Ордынке, Хранитель остановил извозчика.

– Тихомир, я сейчас зайду к старому товарищу. Действуем, как договаривались, – полупшепотом сказал Хранитель.

Тихомир понятиливо кивнул.

– Держи, – Хранитель сунул вознице деньги, – не обидел?

Возница быстро пересчитал монеты и заулыбался:

– Пять рублей!

– Завезешь моих на Николаевский вокзал и получишь еще пять, – сказал извозчику Хранитель.

– Будет сделано, ваше благородие, – довольно ответил тот.

Эпизод 2

Хитровка

6 апреля 1862 года Москва

Под утро к пустынной площади у Николаевского вокзала подъехали дрожки.

Уставшая пегая кобылка переступила со здоровой ноги на хромую и обреченно зафыркала, вспоминая свою тяжелую долю:

– Когда уже отбегала свое на воинской службе, пришлось заниматься извозом. Пенсии же у лошадей нет. Все же лучше, чем на скотобойню!

Когда из дрожек вышли двое обычных мужчин, один из которых нес в руках какой-то сверток, кобылка зафыркала уже радостно:

– Сейчас закончим работу и поедем на постоянный двор в тихий пригород Москвы у Тверской заставы. Там сон, вода и овес.

Но дрожки стояли на месте, и кобылка фыркнула уже возмущенно:

– Поехали!

Она хотела пожаловаться своим «коллегам», но никого рядом не было, и кобылка поняла:

– Извозчик видит, что конкуренции нет, и хочет взять еще работу. Эх!

* * *

Монументальное двухэтажное здание первого московского вокзала с аркадой венецианских окон и таких же тройных высоких дверей первого этажа по центру возвышалось двухъярусной башей с часами.

* * *

Тихомир и Третьяк с Первым на руках зашли в правые по ходу двери вокзала одновременно с тем, когда из левых дверей вышла роскошная женщина в черном одеянии и шляпке с вуалью.

* * *

Женщина перекинула на локоть небольшой, черной кожи дорожный саквояж, подняла голову, посмотрела на часы башни, достала из складок платья золотые карманные часы, щелкнула крышечкой и взглянула на циферблат с надписью Breguet.

* * *

Осмотрев площадь, она с досадой увидела только одного извозчика с какой-то клячей.

Кобылка испуганно заржала. Ее обдало волной холода, как будто сама смерть прошла рядом.

Женщина молча уселась в дрожки.

Извозчик тронул вожжи, и кобылка нехотя засеменила, еще больше припадая на хромую ногу.

Обернувшись, извозчик поклонился и спросил, представляя, что заработает хорошую копейку, если поедет к гостинице первого класса «Дюссо» или к какому-нибудь шикарному особняку:

– Куда барыня пожелает?

В ответ он услышал то, чего никак не ожидал:

– На Хитровку.

Он резко натянул вожжи, и кобылка встала как вкопанная, довольно фыркнув:

– Все-таки на постоянный двор!

Извозчик еще раз обернулся и раздосадовано сказал:

– Барыня, на Хитровку никак нельзя! Не поеду.

Женщина спокойно сказала:

– Десять рублей.

Извозчик начал сомневаться:

– Не надо ехать! Это раньше там был просто Хитровский рынок. Все началось с появления на Хитровке биржи труда. После отмены крепостного права в Москву стало приезжать очень много крестьян. Работу искали. Мне вот повезло – «ванькой» стал. А многие так и не нашли работу. Пока продавали последнее, было чем прокормиться, а потом уж и разбойничать стали.

Женщина слегка прикрикнула:

– Не бойся. Мне туда и надо. Поживей давай!

Извозчик нехотя понукал, кобылка тронулась, но недовольно проржала:

– Не нравится мне эта поездка.

* * *

Дрожки долго и медленно кружили по темным улицам и проулкам Хитровки.

* * *

Когда дрожки заехали в какой-то тупик возле трактира «Сибирь», из темноты их обступили три мужские фигуры.

Извозчик в испуге съежился, а кобылка беспокойно заржала, когда чьи-то незнакомые руки схватили за удила.

Один из мужчин подошел к дрожкам, запрыгнул на подножку и зловеще произнес:

– А кто тут? Барыня! Какая встреча!

В ответ он услышал совершенно спокойный голос:

– Хватит болтать. Найди мне Картуза. Срочно!

* * *

Спустя минуту после того, как «грабитель» ушел, женщина достала Breguet и посмотрела время:

– Четыре часа утра ровно.

* * *

Тихомир посмотрел на часы башни вокзала:

– Четыре часа утра ровно.

Эпизод 3

Долой царизм!

6 апреля 1862 года Москва

Тихомир и Третьяк с завернутым в броское, все в аляповатых цветах, покрывало Первым, одетые в косоворотки и заправленные в сапоги штаны, вызываясь громко разговаривая и расталкивая других пассажиров, садились в зеленый вагон третьего класса поезда на Николаевском вокзале. Тихомир тянул в одной руке старый, выдавший виды чемодан, а в другой – холщовый, местами грязноватый узел со скарбом. Со стороны их можно было принять за уезжающих из города мастеровых или даже крестьян. Плюс младенец начал верещать, привлекая к себе внимание. Здоровенный жандарм, дежуривший на перроне, брезгливо поморщился и отвернулся.

* * *

Немного в сторонке от перрона стоял Хранитель. Одетый в темно-синий сюртук поверх рубахи, он не привлекал особого внимания. Но вел себя так, как будто кого-то нетерпеливо ожидал. Выпрыгивал, высматривал кого-то в толпе пассажиров и их провожающих.

* * *

Когда паровоз дал два длинных гудка и тронулся, Хранитель запрыгнул на подножку и еще раз оглянулся – никого.

Он сунул проводнику гривенник.

– Браток, не закрывай дверь, мой кум опаздывает. Эх, хоть бы успел, – «заокал» он.

Монета исчезла из рук Хранителя так быстро, что он и не заметил, хотя проводник в это время смотрел в другую сторону.

Хранитель стал наблюдать за перроном из открытой двери вагона.

* * *

Он прекрасно видел, как к уже набирающему скорость поезду бежал Игнат.

Хранитель сосредоточился и начал вносить Игнату на расстоянии:

– Посмотри на меня!

Игнат, словно услышав, начал глазами искать того, кто его звал, и с разбегу налетел на рыжеволосого господина в приметном модном черном котелке.

* * *

Тот отлетел в одну сторону от Игната, а его чемодан – в другую. Чемодан раскрылся, и из него разлетелась кипа бумаг мелкого формата.

* * *

Бумаги начал подбирать народ, то и дело раздавались «охи и ахи»...

* * *

Игнат не успел опомниться, как был схвачен под руку жандармом. А рыжего господина в котелке и след простыл.

* * *

Жандарм со всей дури свистел в свисток, и к нему уже прытко бежали другие блюстители порядка.

– Вот сволочь! Листовки разносить! – рявкнул жандарм.

* * *

Игнат растерянно смотрел то на удаляющийся поезд «Москва – Санкт-Петербург», то на листовки «Долой царизм!».

* * *

Его скрутили и повели вдоль перрона.

Когда Игната вели возле мусорной урны, он внезапно начал вырываться и ругаться на непонятном языке – в урне лежали скомканные рыжий парик и котелок.

13 серия

Эпизод 1

Селянка 6 апреля 1862 года Москва – Санкт-Петербург

Хранитель, довольный собой, зашел в битком набитый вагон.

Тихомир и Третьяк с малышом напряженно сидели в ожидании его.

Хранитель подошел к ним и уселся напротив:

– Все прошло, как я и задумал!

Тихомир и Третьяк облегченно вздохнули.

– Но все равно маршрут надо сменить. И, как говорится, русские люди никогда ничего не планируют, а ждут, когда решение само к ним придет, – Хранитель расплылся в улыбке и глазами показал за их спину.

* * *

Тихомир оглянулся и увидел селянку, кормящую грудью младенца.

Он пихнул в бок Третьяка, тот привстал и тоже посмотрел назад на селянку.

Потом они вдвоем вопросительно посмотрели на Хранителя.

Хранитель скорчил гримасу учителя начальных классов гимназии, которому надо в сотый раз объяснять своим ученикам задание, встал и направился в сторону селянки.

* * *

Когда он вернулся, мужчины услышали:

– Селянку зовут Марфа. Она возвращается домой в село с новорожденной девочкой Леночкой, которую «нагуляла», пока была на заработках в городе. Родни у нее не осталось, но есть плохенькая изба и небольшой огород.

Тихомир и Третьяк все еще с немым вопросом смотрели на Хранителя.

Хранитель хлопнул себя по колену и, передразнивая селянку, продолжил:

– Она «согласная», чтобы мы у нее пожили. И «согласная» быть кормилицей: «молока, чай, и на двоих хватит».

Хранитель сделал движения руками в области груди, описывающие большие полусферы.

Третьяк понятиливо закивал, а Тихомир остался сидеть, ничего не понимая.

Хранитель разочарованно развел руками и сказал, обращаясь к Третьяку:

– Чего сидишь? Иди – неси на кормление!

Тихомир устало спросил:

– Так куда поедем?

Хранитель пригладил усы и тихо произнес:

– Сойдем в Твери.

Эпизод 2

Выбор Марфы

6 апреля – 21 мая 1862 года Никольское

– А вашего-то как величают? – спросила Марфа.

Вопрос селянки поставил в совершенный тупик Тихомира, который и так остолбенело, с малышом на руках, осматривал «интерьер избы», и Хранителя, который, причмокивая, прохаживался с сомкнутыми за спиной руками по ее периметру.

* * *

Один Третьяк, громко хлопнув покосившейся дверью, не унывал от увиденной «роскоши», и с грохотом вывалил охапку дров:

– Надо печку проверить!

От этого грохота груднички зашевелились, и полился плач. «Концерт» начала Леночка, а подхватил «безымянный».

Марфа зацывкала на Третьяка и вытолкала его из избы.

Вслед за ним вышли и Тихомир с Хранителем.

* * *

Все втроем сели на завалинку и замолчали.

Первым заговорил Тихомир:

– Так как назовем?

Третьяк переспросил:

– Кого назовем?

И тут же получил оплеуху от Хранителя.

* * *

Из жителей двадцати пяти дворов Никольского остались, за редким исключением, старики и старухи.

Две соседки, из самых любопытных, увидев печной дым из избы Марфы, пошли на разведку. Уж больно долго изба пустовала!

Бабки решили, чтобы застать хозяев врасплох, идти через огород— «по-соседски».

* * *

Первого, кого они встретили, был Хранитель, который стоял у перекошенной, сколоченной с широкими щелями, уборной с выгребной ямой. Рукава Хранителя были закатаны, в одной руке он держал ведро с водой, а в другой тряпку.

Бабки заохали:

– Разве ж можно мужику уборную мыть? Стыд какой!

Хранитель в ответ улыбнулся и философски произнес:

– Стыдно в грязи жить, а не грязь убирать!

Бабки пооткрывали рты.

Хранитель сказал:

– Здравия вам желаю! Давайте, соседушки, знакомиться. Меня зовут Олег Ярославович. Бабки засмущались такому обхождению.

* * *

Тут из избы вышел Третьяк, с руками, перемазанными глиной:

– Здравствуйте.

Бабки в ответ закивали, во все глаза рассматривая молодца.

Третьяк, словно оправдываясь, сказал:

– Вот, печь починяю.

Одна из бабок прищурилась:

– Уж не печник ли?

– Да нет, – ответил Третьяк, – Так щели позаделываю, чтоб не чадила.

– Смотри, пожара не наделай! – проворчала одна из старушек.

Хранитель, предвидя дальнейшие вопросы старушек, рассказал «легенду»:

– Это муж Марфы – Третьяк. А я его свояк. В избе еще есть мой сын – Тихомир.

При словах «муж Марфы» глаза Третьяка расширились, а Хранитель как ни в чем не бывало продолжил:

– Марфа занята сейчас. Младенцев грудью кормит. У них с Третьяком недавно двойня родилась.

При этих словах глаза Третьяка вылезли из орбит.

Бабки зашептались между собой и, быстро-быстро перебирая короткими ножками в чунях, побежали назад через огород. Надо успеть по всем дворам рассказать! Уж будет о чем поговорить...

– Да-а... – произнес Хранитель, – Русская душа! Как я понимаю, здесь мы тоже ненадолго – по всей волости разнесут.

* * *

Так они и жили в избе у Марфы. Работали по хозяйству.

* * *

Даже Тихомир научился выравнивать старые ржавые гвозди и прибивать ими доски.

* * *

Марфа привязалась к красивому светловолосому Первому и уделяла ему больше внимания, чем собственной дочке.

* * *

Мужчины по ночам через одного стояли в карауле.

* * *

Как-то ночью во дворе дежурил Третьяк.

* * *

Марфа и дети спали за занавеской на теплой печи.

* * *

Тихомир остался «один на один» с Хранителем и за чаем из смородинового листа попросил его:

– Олег Ярославович! Научите меня «знаниям».

Хранитель помотал головой и совершенно серьезно ответил:

– Для того, чтобы обрести знания, надо обладать высшим разумом, который выше человеческого. Все живое имеет разум, разум нужен для понимания, а понимание нужно для действия.

Камень не имеет разума, поэтому просто лежит на своем месте, и ничего не понимает, и ничего не делает.

Растение имеет разум. Творец даровал растениям жизнь, чтобы они были пищей для животных и человека, и разум им дан только для этого. Цветок чувствует и знает: когда приходит ночь и становится холодно, ему надо закрыть свою чашу, чтобы сберечь семена, а когда выходит солнце, он поворачивает свою чашу к нему и раскрывается, чтобы напитаться солнечной энергией. Когда мало питательной воды, он углубляет свои корни, чтобы больше вырасти. Но растению не дано понять большего. Оно не понимает, кто это – животное.

Животное имеет разум больше разума растения, Творец даровал животным жизнь, чтобы они служили человеку. Для этого Творец даровал им глаза, уши, нюх, чутье, но разум животным дан только для этого. Жить и размножаться. Дикое животное знает, какое растение вкусное, а какое горькое. Оно понимает: чтобы не быть убитым, надо убежать или спрятаться. Животные строят себе дома, они живут вместе стаями, выбирают себе пару и дают потомство. А за домашними животными смотрит сам человек. Животные понимают, кто это – человек, потому что призваны служить ему.

Человек – самый разумный из всех живущих на земле, он понимает и растения, и животных. Человек призван учиться. Если не умеет плавать, как рыбы, чтобы проплыть через моря, то строит себе водный корабль. Если не умеет летать, как птица, чтобы перелететь через горы, то строит воздушный корабль.

Загадка замысла Творца в том, что, сколько бы простой смертный человек ни стремился понять замысел Творца, он не сможет этого сделать – Творец не дал ему такого разума. Эта загадка посильна только Первым, а каждый Первый должен самостоятельно ее отгадать. Но Забава не напрасно тебя выбрала!

Тихомир изумленно слушал простое, но совершенное для понимания объяснение и после паузы спросил:

– Олег Ярославович! А как вы стали Хранителем?

Хранитель поерзал на лавке и пригладил усы:

– История это давняя. Родился я в Ингерманландии. И чуть окрепшим младенцем был подброшен – оставлен на берегу острова Валаам на Ладожском озере. Так я попал в Валаамский монастырь. Подброшен был в воскресенье, отсюда и фамилия моя такая – Воскресенский.

Типичные русские фамилии ведут начало от имени или прозвища основателя рода. Однако фамилия Воскресенский относится к самым необычным русским именованиям, имеющим искусственное происхождение. Даже бытовала поговорка, в которой перечислялись основные источники искусственных фамилий: «По церквам, по цветам, по камням, по скотам, и яко восхощет его преосвященство». Отчество свое я получил от инок Ярослава, который меня нашел. А имя Олег мне дали по Святцам – в третий день октября.

* * *

Внезапно свеча на столе резко вспыхнула и начала гореть большим пламенем. Тихомир увидел отблеск огня на лезвии топора у печи, и его зрачки расширились.

Хранитель обеспокоенно спросил:

– Вы что-то увидели?

Тихомир не знал, что ответить.

Хранитель спешно поднялся и зашагал во двор проверить Третьяка.

* * *

В это же время Игнат незаметно подкрался к Третьяку и ударил его обухом топора по голове. Третьяк со стоном завалился на землю.

Игнат первой же попавшейся жердью подпер дверь и начал поджигать избу: сначала у двери, а затем по кругу и закончил соломенной крышей. Сухое трухлявое дерево и солома быстро занимались огнем.

* * *

Хранитель попробовал открыть дверь, но ничего не получилось. Окна были слишком маленькие, чтобы в них пролезть.

Он стал плечом выбивать дверь и прокричал:

– Тревога!

Тихомир поначалу растерялся, но потом бросился к Марфе и начал ее будить:

– Вставай и быстро собирайся!

В избе уже явно чувствовался запах дыма и начал пробиваться огонь.

Марфа спросонья ничего не понимала – началась паника!

Тихомир выхватил револьвер и обернулся.

* * *

Хранитель уже выбил дверь вместе с завесами и бросился на Игната. Началась борьба.

Тихомир увидел, что Игнат берет верх над Хранителем, и прицелился. В ночной тиши раздался выстрел, после которого Хранитель замер и, цепляясь за Игната, сполз на землю.

Игнат рассмеялся и пошел в сторону Тихомира.

* * *

Из избы выбежала Марфа, держа в руках завернутое невесть во что дитя. Увидев происходящее, она во все горло завопила.

* * *

Тихомир целился в Игната, револьвер в его руке дрожал. Он выстрелил – промах.

Игнат приостановился, еще пуще рассмеялся и снова широко зашагал на Тихомира.

Тихомир на мгновение оцепенел, но потом скопил неизвестно откуда появляющиеся силы и выстрелил...

* * *

Пуля отбросила Игната навзничь, и в его лбу зазияла черная дыра.

* * *

Тихомир обернулся и с ужасом увидел, как перед горящей избой, причитая в голос, мечется Марфа.

В полыхающую избу было не зайти – там заживо горел второй ребенок.

* * *

Утром бабки-соседки провожали погорельцев:

– Мой Ванька их до города довезет. Там шпиталь открыли.

– А я говорила! А я говорила! Печку-то надо было хорошо смотреть. Городские...

* * *

На передке телеги рядом с мужиком, который управлял лошадьё, сидел Тихомир в одной косоворотке и штанах.

Чуть за ним сидела Марфа, одетая в какие-то бабские тряпки, и держала на руках дитя, завернутое с головой в толстый платок.

Тихомир обернулся назад и увидел, что Третьяк с перевязанной головой, лежащий под старой овчиной, приоткрыл глаза.

Рядом с Третьяком на боку лежал Хранитель и, редко моргая, смотрел через утреннюю поволоку в небо.

Тихомир облегченно вздохнул и кивнул Марфе, которая откинула платок с головы дитя – это был Первый.

14 серия

Эпизод 1

Фельдшер

21–22 мая 1862 года Тверь

Под вечер добрались до окраины Твери.

Еще на подъезде была видна высокая кирпичная заводская труба.

* * *

Телега ехала по безлюдным улочкам.

Раздался фабричный гудок, и улица заполнилась людьми – это рабочие возвращались со смены. Рабочие были одеты в основном как крестьяне.

* * *

Один рабочий прижимал к груди руку, замотанную в тряпку, а другой советовал ему:

– Идти в больницу. Эх и угораздило тебя.

Тот запротивился:

– Да нет, до утра отлежусь. И денег жалко!

– Идем, заведу тебя. Больница при мануфактуре бесплатная, – настаивал другой.

* * *

Тихомир услышал этот разговор и растолкал полусонного возницу:

– Ванька, правь за ними.

Ванька развернул телегу и уставился на мужика с рукой.

Присмотревшись хорошенько, он окликнул:

– Ждан!

Мужик с рукой обернулся и через силу заулыбался:

– Ванька? Здорово. Какими судьбами?

– Вот погорельцев в больницу везу, – ответил Ванька и предложил: – Садитесь, нам по пути.

* * *

Ехали недолго.

* * *

Под козырьком входа в небольшое здание больницы горел керосиновый фонарь, а через окна пробивался тусклый свет.

Попутчики спрыгнули с телеги.

Товарищ Ждана постучал в дверь, но никто не открывал. Он дернул за ручку – дверь оказалась незапертой, и мужики зашли вовнутрь.

* * *

Тихомир ждал в телеге с полчаса, когда товарищ Ждана вышел и объявил:
– Дело плохо! Фельдшер сказал, что отнимут руку: кости раздробило. Уже не работник!
Ванька охнул:
– Дождусь его. Потом в село завезу. Сосед поди!
– Ахош, замолвлю словечко? Сейчас на мануфактуре люди нужны, а он насовсем выбыл, – предложил товарищ Ждана.
Ванька согласно закивал:
– Только клячу куда?
Товарищ Ждана предложил:
– Так давай поговорим с фельдшером. Он добрый – сочувствует, видно, сильно верующий! У них тут и стойло казенное есть.
Тихомир попросил:
– Так и за моих словечко замолвите.
Они оба кивнули и зашли в больницу.

* * *

Мужики вышли довольные и повели лошадь в стойло.
Вслед за ними появился и фельдшер.

* * *

Тихомир взволнованно прохаживался возле крыльца.
Фельдшер вопросительно посмотрел на него.
Тихомир подошел и попросил:
– Будьте любезны, посмотрите, пожалуйста! Мы погорельцы, а двоих сильно завалило при пожаре!
Фельдшер оказался не такой уж и «добрый», как описывали. Он сделал суровое лицо, что-то невнятное пробурчал, но к телеге подошел.
По очереди окинул взглядом Третьяка, Хранителя и Марфу со «свертком» и заявил:
– Больница содержится за счет ткацкой мануфактуры, и лечат только работников! Иногда местных, но за деньги.
Тихомир с горечью произнес:
– Так все сгорело! И деньги тоже!
Фельдшеру явно не нравился московский говор Тихомира, и он ответил:
– Я не могу принимать решение самостоятельно, а доктор на выезде. В больнице работает до полудня. Такой порядок.
Хранитель, внимательно слушавший разговор, вдруг произнес какую-то тарабарщину:
– Масу зетил еный ховряк, в хлябом костре Ботусе матырится клевая оклюга. Видка?
Фельдшер удивленно посмотрел на него, затем по сторонам, и почему-то шепотом сказал:
– Заходите.

* * *

Фельдшер обработал рану «на вылет» под лопаткой Хранителя и голову Третьяка. Потом он о чем-то шептался с Хранителем.

* * *

Марфа с Первым на руках дремала на кушетке.

* * *

Тихомир тоже начал кемарить, но Хранитель потрепал его за плечо:

– Сейчас надо уходить, потому что утром придет доктор. Мы отсидимся в доме у фельдшера – Святослава Владимировича. Третьяка он пока оставит в больнице – ему лучше полежать несколько дней.

* * *

Дошли быстро, несмотря на то что Хранитель шел тяжело, да и фельдшер прихрамывал, опираясь на деревянную трость.

Пока шли, фельдшер рассказал:

– Под больницу на двадцать пять коек недавно перестроили старый цех. Все за счет мануфактуры. Такое указание было – реформы!

На мануфактуре сейчас работает очень много крестьян. Для них это «отхожий промысел».

После реформы по отмене крепостного права крестьянам надо для покрытия платежей за землю добывать наличные деньги, причем в таком размере, какой почти невозможно получить с имеющейся у них земли. Поэтому мужики ушли в город на заработки и «перекачивают» деньги из города в деревню. Городские квалифицированные рабочие получают хорошую зарплату, а крестьяне выполняют подсобную работу по двенадцать, а то и больше часов в смену и «за гроши».

* * *

Уже ночью обустроились в доме фельдшера.

* * *

Фельдшер предложил:

– Вы тут располагайтесь, а я в больницу вернусь. Тут места маловато, да и за вашим больным присмотрю.

Хранитель искренне поблагодарил фельдшера и отошел с ним в сторонку:

– Святослав Владимирович, нам бы бланков паспортов с печатями?

Фельдшер задумался и спросил:

– На всех?

Хранитель кивнул, снял ремень, достал из потайных кармашков восемь платиновых двенадцатирублевиков чеканки Николая I:

– Все что есть.

Фельдшер кивнул, взял деньги и вышел за дверь.

* * *

Тихомир ворочался и заснул только под утро. Он никак не мог понять, почему фельдшер после разговора с Хранителем вызвался им помочь.

* * *

Утром Тихомир первым делом спросил у Хранителя:

– Олег Ярославович. Как вам удалось уговорить фельдшера?

Хранитель, как обычно, хитро улыбнулся:

– Я уловил в речи фельдшера нотки офенского языка. Офенский язык – это тайное наречие русского языка. Он используется для того, чтобы обсуждать темы, о которых присутствующим при разговоре знать не нужно. Считается, что изобрели этот язык «офени» – торговцы-разносчики, которые переходили из одного в другой город с коробами своего товара. Они продавали книги, иконы, одежду, украшения, да и вообще что угодно. Но на самом деле такой язык был испокон веков, на нем писали письма русские воеводы. Такое письмо не мог прочесть торговый человек или священник, потому что там был свой шифр – тайнопись. Воеводское письмо мог прочесть только воин, который знал шифр.

Тихомир внимательно слушал дальше.

– В середине позапрошлого века Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович провели церковную реформу, и богослужение стали вести по греческим канонам. Русский народ и большинство церковников имели мнение о «превосходстве» русского благочестия над греческим, а московского – над киевским, потому что Константинополь был в упадке и греки подписали унию с католиками, а Киев был то под Польшей, то под Литвой. Поэтому произошел раскол русской церкви. Противники реформы, старообрядцы, а это много – седьмая часть населения, стали подвергаться гонениям. Старообрядцы проводили богослужение по старым книгам и со старыми иконами. За открытую продажу старообрядческих икон можно было угодить в тюрьму, поэтому появился один из самых больших и доходных «черных рынков» в русской истории. Обеспечивали этот рынок офени-иконщики. А деньги там крутились очень большие. Во-первых, старообрядцы готовы были хорошо платить за новописные образа. Ктому же их общины обитали в труднодоступных местах, подальше от «никониан» и властей. Во-вторых, офени-старинщики выменивали или покупали древние иконы, которые затем перепродавали коллекционерам во много раз дороже. Так что было, о чем беспокоиться, что скрывать и от обывателей, и от полиции. А там, где есть «черный рынок», всегда есть преступность, поэтому именно говор «офеней» стал основой для воровского жаргона «фени».

Тихомир понятиливо закивал и спросил:

– Так что вы сказали фельдшеру?

Хранитель рассмеялся и перевел:

– «Мне говорил один господин, что в столичном городе Москве строится чудесная церковь. Правда?».

* * *

Днем вернулся фельдшер, который привез на телеге Ваньки уже заметно окрепшего Третьяка и взволнованно рассказал:

– В больницу приходила полиция! А после «свои люди» нашептали, что из Москвы приехали бандиты, и не какие-то там «золоторотцы», а видно, что серьезные – убийцы. Все вас ищут. Надо срочно уезжать!

Хранитель понятиливо кивнул, а фельдшер передал ему бланки паспортов.

– Только три, – с сожалением сказал он.

Хранитель посмотрел на бланки и удовлетворенно сказал:

– Малость пожелтевшие. И печати под разным углом. Это замечательно!

Они крепко пожали друг другу руки.

* * *

Марфа засуетилась собираться.

* * *

Хранитель, вздохнув, подошел к маленькому умывальнику с зеркальцем и пригладил усы. Он с сожалением начал бриться.

* * *

После процедуры Хранитель уселся за колченогий стол, разложил бланки паспортов и начал заполнять один из них правой рукой:

– Ну что же, господа хорошие! Придумывайте себе имена да фамилии!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.